

КОММУНИСТ И “ВРАГ НАРОДА”: АРХИТЕКТОР КУРТ МАЙЕР В СССР

УДК: 711.41.4
ББК: 85.113(2)6

Коньшева Евгения Владимировна

кандидат искусствоведения,
“Южно-Уральский государственный университет”,
Челябинск, Россия, e-mail: e_kon@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена советскому этапу жизни и творчества немецкого архитектора Курта Майера. Главное внимание уделяется его конкурсному проекту перепланировки Москвы. Рассматриваются предшествующий опыт архитектора и истоки его проектных принципов. Сквозь призму концепции К. Майера показан сложный и противоречивый процесс поиска принципов развития Москвы в первой половине 1930-х гг. Статья опирается на материалы, опубликованные в советской прессе 1930-х гг., а также архивные источники, в том числе ранее не вводившиеся в научный оборот.

Ключевые слова

советское градостроительство, проекты реконструкции Москвы, немецкие архитекторы, Майер Курт (архитектор)

Статья подготовлена при поддержке стипендии Германского исторического института в Москве.

Имя «иностранный специалист» немецкого архитектора Курта Майера непременно упоминается в научных публикациях, посвященных истории советской архитектуры 1930-х гг., в связи с конкурсом на проект перепланировки Москвы 1931 – 1932 гг. Проект рассматривается с той или иной долей подробности в ряду других конкурсных предложений. Вычленяется и главная дискуссионная проблема – степень влияния проектных предложений К. Майера на формирование замысла генплана Москвы 1935 г. Прежде всего здесь стоит отметить классический труд В.Э. Хазановой [58] и фундаментальное исследование немецких ученых Х. Боденшатца и К. Пост [62], где в рамках подробного анализа советской архитектуры конца 1920 – 1930-х гг. и процесса создания генплана Москвы 1935 г. проекту К. Майера, его истокам, влиянию и значению уделено подробное внимание. Собственно персоналии К. Майера к настоящему времени посвящена только одна публикация в Германии, изданная к 100-летию юбилею архитектора в 1988 г., и в которой К.Ю. Винклер и Э. Писториус впервые представили жизненную и творческую биографию архитектора [66]. Дальнейшее развитие биографическая тема вновь получила в вышеупомянутой монографии Х. Боденшатца и К. Пост.

Что касается отечественной архитектуроведческой литературы, то анализ концепции К. Майера основывается исключительно на его собственных единичных публикациях [34, 36, 37] и статьях в профессиональной прессе 1930-х гг. [19, 24, 43], причем часто с некритическим воспроизведением сформировавшихся в тот период оценок. За пределами исследования остаются процесс формирования и трансформации проектной идеи в контексте исторических условий и ситуации в советском архитектурном и проектном деле. Также без внимания оказываются предшествующий опыт архитектора и истоки его проектных принципов. Ограничение источниковой базы в отечественных исследованиях только опубликованными в

Kommunistische Partei Deutschlands
(Sektion der Kommunistischen Internationale)

Mitgliedsbuch Nr. 139120

für

Name: Meyer Vorname: Kurt

Beruf: Architekt

Geboren am 17. 1. 1888 in Köln

Mitglied der KPD seit 7. 12. 1930

Politisch organisiert seit 1917

In welcher Partei zuletzt: K. S. P. D.

Gewerkschaft: Bildab. seit

Wohnung: K. - Straße, Zimmer 11.

Unterschrift des Inhabers: _____

Das Buch wurde ausgestellt am 1. 5. 1929

K. P. D. Bezirks-
marke von **Mittelrhein.** Köln
Abt. Kasan (Stempel und Unterschrift)
Köln, Aquinostrasse 11 ptr.

Рис. 1. Партийный билет члена
Коммунистической партии Германии
К. Майера [9]

РОССИЙСКАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(большевиков)

Пролетарии всех стран, соединитесь!
Москва, 17/11/31 г.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ. Удостоверение № 11637

Ц. К. Р. К. П. удостоверяет, что тов. Мейер,
Курт

состоявший с 1920 г. по 30/10 1930 г.
в Германск. секции III Коммунистического Интернационала
(Германск. парти) и остающийся с разрешения
Центрального Комитета своей партии
Представительства в И.К.К.И. от своей партии 30/10 1930 г.,
перешел в члены В. К. П.

До своего поступления в _____ Коммунистическую партию
_____ 192 г. тов.

состоял в следующей секции Коминтерна: _____

Основание выдачи удостоверения 1930 № 1186.

Секретарь Ц. К. В. К. П.
Завед. Учраспредом

Рис. 2. Удостоверение К. Майера о переводе в члены
ВКП (б). 1930 [9]

1930-е гг. материалами, оставившее в стороне архивные фонды, не позволило воссоздать канву жизни и творчества К. Майера в СССР и предшествующий период. Его трагическая судьба обусловила уничтожение многих материалов и почти исключила возможность обратиться к воспоминаниям и оценкам, как самого архитектора, так и его коллег. Поэтому в отечественной науке, несмотря на многочисленные публикации о создании генплана Москвы, фигура К. Майера остается по-прежнему весьма призрачной. Представленная статья, опирающаяся, в том числе, на архивные материалы, ранее не вводившиеся в научный оборот, является попыткой восполнить пробелы и показать через призму судьбы архитектора сложные и противоречивые процессы в советском градостроительстве 1930-х гг.

Курт Майер родился 27 января 1888 г. в Кёльне¹. Он прошел длинный путь обучения и подготовки к профессиональной карьере: закончил реальную школу (1905) и строительный техникум в Кёльне (1908), посещал архитектурное отделение проф. В. Крайса в Школе прикладного искусства в Дюссельдорфе (1911 – 1912). Работал строителем (1905 – 1906), техником и архитектором в различных архитектурных бюро в Кёльне, Дортмунде, Франкфурте-на-Майне (1908 – 1915). Мобилизованный в годы первой мировой войны, он служил в железнодорожных войсках на Западном фронте, где руководил строительными работами. Видимо, это обусловило его первое послевоенное место службы как архитектора Дирекции железных дорог в Кёльне (1919 – 1921). С 1921 г. начинается, пожалуй, главный этап его досоветской творческой биографии. Конец 1910-х – 1920-е гг. – чрезвычайно важный период в градостроительном развитии Кёльна, связанный с деятельностью в качестве обер-бургомистра К. Аденауэра. Именно по его инициативе в 1919 г. проводится конкурс на проект развития Кёльна и предместий, а из Гамбурга руководителем городского хозяйства приглашается один из самых известных германских градостроителей и архитекторов своего времени – профессор Фритц Шумахер. Он разрабатывает проект развития Кёльна (1920 – 1923) и, анализируя свою деятельность, излагает принципы в книге «Кёльн – вопросы развития большого города» [65].

До начала 1930-х гг. под покровительством К. Аденауэра в Кёльне ведется интенсивная реконструктивная и строительная деятельность. В 1921 – 1923 гг. К. Майер являлся сотрудником планировочного бюро Ф. Шумахера, с 1924 г. руководителем подотдела, а с 1927 г. руководителем отдела в городском строительном управлении Кёльна. В этом же году он получает должность городского архитектора [62, с. 187].

Однако для К. Майера к концу 1920-х гг. в Кёльне складывается не самая благоприятная обстановка, что было связано с его политической деятельностью. Он проходит вполне традиционный путь молодого человека левых взглядов в Германии предвоенного и военного времени. Сначала это активное участие в профсоюзном движении, затем, на предреволюционной волне, вступление в 1917 г. в Независимую социал-демократическую партию, а в конце 1920 г. – в Коммунистическую партию Германии. В Кёльне К. Майер ведет активную деятельность – с 1923 г. он член Германской Красной помощи², в 1922 – 1927 гг. – сопредседатель Совета представителей рабочих и служащих в строительном управлении Кёльна. Как убежденный атеист, покинувший лоно евангелической церкви еще в 1912 г., он с 1923 г. член Лиги пролетарского свободомыслия и кремации³. Не удивительно, что в накаляющейся политической обстановке конца 1920-х гг. опасные левые убеждения государственного служащего не устраивают обер-бургомистра – консерватора умеренно-правых взглядов и оппонента как коммунистического, так и нацистского движения. К. Майер оказывается перед угрозой препятствий в работе и карьере, тем более учитывая начавшийся экономический кризис (рис. 1,2).

Как известно, в то же самое время, на рубеже 1920– 1930-х гг., у многих европейских и американских рабочих и специалистов возникла новая и манящая возможность – работа в СССР. И заманчивые профессиональные перспективы открывались не только для промышленных инженеров и техников, но и для градостроителей, архитекторов и специалистов строительного дела. Планировка городов в условиях форсированной урбанизации являлась одним из ключевых пунктов. Масштабы градостроительного проектирования в СССР первой пятилетки не соответствовали имеющимся возможностям. Проекты, заявленные в дискуссии о соцрасселении или в конкурсах в 1929 – 1930 гг. являли собой блестящие концепции, но были мало связанными с массовой практикой. Реальные проекты индустриальных поселений 1928 – 1929 гг. еще основывались на длительной традиции проектирования рабочих поселков. Новое градостроительное качество в планировочных приемах и принципах застройки «социалистического города» еще не сформировалось. Планомерной и последовательной реконструкции старых городов в условиях форсированной урбанизации не существовало, как правило, реконструктивные мероприятия лишь пытались следовать за быстро меняющейся градостроительной ситуацией и решать лишь наиболее насущные проблемы. Объемные планировочные работы в 1920-е гг. велись только по некоторым крупным городам, таким как Москва, Ленинград, Новосибирск, Ярославль, Ростов-на-Дону, Баку, Тифлис и некоторым другим. Положение во многом было обусловлено ситуацией с организацией проектного дела. В период разработки первого пятилетнего плана «структура проектных организаций СССР находилась еще в зачаточном состоянии и не могла в условиях острейшего дефицита времени, огромных масштабов и исключительной новизны запланированных заданий обеспечить оперативное решение комплексной разработки проектно-технической документации» [29, с. 105]. Плеяда отечественных градостроителей с опытом проектной работы, таких как В.Н. Семенов, С.С. Шестаков, Г.Д. Дубелир, А.П. Иваницкий, Б.В. Сакулин, М.Н. Петров и др., не могла удовлетворить широкомасштабных потребностей, которые чаще всего обеспечивались на местах инженерами, техниками, землемерами. Существовавшее градостроительное законодательство не предвляло, а фактически лишь фиксировало сложившуюся ситуацию и стремилось догнать и упорядочить развернувшуюся интенсивную строительную деятельность, носившую в основном бессистемный и противоречивый характер [32].

Мнение политической власти, высказанное Л.М. Кагановичем в 1931 г., было однозначным: «Мы, понятно, бедны по части научной разработки вопроса о планировке городов. Эта область у нас еще самая отсталая...» [27, с. 64]. Не удивительно, что в этой ситуации поощрялось обращение к иностранному опыту, тем более, что активное его изучение и восприятие были свойственны и предреволюционному периоду. Особенный интерес существовал к теории и практике английского и германского градостроения и опыту построения законодательной базы в этой сфере. В начале 1930-х гг. этот интерес трансформировался в практику приглашения европейских планировщиков для контрактной работы в СССР.

К. Майер выразил желание приехать на работу в СССР в своем письме от 25 ноября 1929 г. [10, л. 12]. Переговоры с архитектором велись в январе – апреле 1930 г. через торговое представительство СССР в Германии, руководившее вербовкой кадров для разворачивавшегося в СССР широкомасштабного промышленного строительства⁴. В берлинском торгпредстве было открыто специальное строительное бюро под руководством Э.А. (?) Марка. Бюро занималось подбором архитектурных, инженерных и технических кадров для строительной промышленности, промышленных и гражданскихстроек, проектных бюро и т.п. и находилось в непосредственном контакте с Центральным бюро иностранной консультации (ЦБИК), созданном в 1928 г. при Строительном комитете ВСНХ СССР⁵. Именно бюро иностранной консультации занималось практической реализацией постановления президиума ВСНХ 1928 г. о приглашении в СССР в качестве консультантов 130 иностранных инженеров и техников в тресты, строительные организации и проектные конторы [29, с. 280]. Это постановление находилось в русле политики советского правительства по всемерному использованию иностранного опыта в индустриализации страны⁶. Наряду с концессиями и практикой размещения заказов за рубежом, распространенных в 1920-е гг., в т.ч. и в строительном деле, в конце 1920-х гг. началось массовое привлечение иностранных рабочих и специалистов на стройки пятилетки.

Однако уже в 1930 г. ситуация начала выходить из-под контроля. Иностранных рабочих и специалистов часто оформляли на работу в СССР без согласования с потребностью тех или иных предприятий, без точных данных о необходимой квалификации, без знания языка и т.п. Конечно, в случае с архитекторами и инженерами строительных специальностей масштабы хаоса были значительно меньше, ввиду относительно небольшого количества приглашаемых специалистов. Тем не менее самые разнообразные проектные конторы и строительные предприятия начали массово подавать заявки на заключение договоров с иностранными специалистами, либо самостоятельно приглашать архитекторов, техников, инженеров, проектировщиков, непосредственно ведя с ними переговоры⁷.

В этих условиях строительное бюро германского торгпредства подошло к вопросу приглашения «видного архитектора» К. Майера чрезвычайно ответственно. Негативный опыт заставил Э. Марка требовать в обращении к председателю ЦБИК О.О. Шнейдратусу особого отношения к архитектору: «Прежде чем наметить его отъезд в СССР прошу Вас выяснить, где, в каком учреждении и в качестве кого может работать у нас Мейер. К вопросу о приглашении Мейера я подхожу с большой осторожностью, именно с точки зрения предоставления ему серьезной, ответственной работы в той области, в которой он специализировался» [10, л. 11]. Он настаивает на выполнении предварительных условий К. Майера, заявленных в первом письме архитектора – «предоставления поля деятельности, соответствующего моей специальности – строительство городов и обеспечение мне требующейся самостоятельности, необходимой при выполнении подобной задачи» [10, л. 12]. Такое индивидуальное отношение к К. Майеру во многом обусловлено именно его предшествующей градостроительной практикой, столь необходимой в новых условиях форсированной индустриализации и урбанизации. На очередном письме Э. Марка в марте

1930 г. наложена размашистая резолюция О. Шнейдератуса: «Майер градостроитель! Нужно его использовать для строительства социалистических городов!» [10, л. 8].

После долгого согласования вопросов в советских органах по выбору места работы⁸, К. Майер был, наконец, по договору от 1.07.1930 приглашен в СССР на два года и в сентябре 1930 г. приступил к работе в Московском отделе коммунального хозяйства (МОКХ) [10, л. 2]. Столь долгий, многомесячный, процесс поиска и согласований был определен не только профессиональными, но и вполне прозаическими причинами. Коммунист К. Майер не требовал для себя никаких особых условий. Но он трезво оценивал сложившиеся обстоятельства: «если я откажусь от службы для того, чтобы перейти на службу Советского Союза – мне придется считаться с тем, что обратный прием мой на службу в какое-нибудь немецкое городское управление, занимающееся практической постройкой городов, а такие строительства проводятся почти исключительно городскими управлениями, – оказывается почти невозможным». Первоначально оговаривая только временный контракт, он, тем не менее, заявил о желании не только работать в СССР: «мое же личное мнение таково, что если Советскому правительству желательно, чтобы я у него работал, и если мои условия для него подходящи – я немедленно переселяюсь со всем семейством в СССР, где и останусь» [10, л. 12 – 14]. Условия, которые оговаривает К. Майер, не выходили за рамки вполне ординарных, фиксированных в стандартных договорах. Он не требует высокого и конкретного оклада, а лишь только такого, «который позволил бы мне работать без помехи, и который удовлетворил бы потребности моего семейства», и заявляет еще фиксированную сумму в 100 р. для перевода на родину близким родственникам. Но он настаивает на предоставлении 2-3-комнатной квартиры (или, на первое время, отдельного номера в гостинице) для него и его семьи – жены и 8-летнего сына, и считает это важнейшим условием⁹. Также оговаривается ежегодный месячный отпуск с разрешением проводить таковой с семьей за границей. Вопросы размеров оклада и предоставления квартиры стали, судя по переписке, немаловажными критериями в поиске проектной организации, соответствующей не только профилем, но и финансовыми возможностями, с учетом того, что в подавляющем большинстве случаев советские организации обещания, данные потенциальным иноспециалистам, не выполняли¹⁰.

Выбор МОКХ как места работы был очень удачен с точки зрения реализации К. Майером своих профессиональных навыков. На МОКХ были возложены функции по благоустройству Москвы и городов и поселков Московской области, в том числе именно здесь в 1920-е гг. разрабатывались проекты перепланировки Москвы и ее отдельных районов [29, с. 258 – 259]. В 1929 г. Специальная комиссия Отдела благоустройства МОКХ составила «Основные положения новой планировки Москвы», а в середине 1930 г. был объявлен конкурс на «Проект реконструкции старой и планировки новой Москвы» [58, с. 228, 248].

Работы по составлению проекта перепланировки Москвы велись в МОКХ в подотделе при планировочно-земельном отделе. К моменту приезда К. Майера штаты подотдела были значительно расширены до 68 человек и было организовано три рабочих группы – экономическая, основных планировочных работ и текущих работ [48, с. 16]. К. Майер оказался в привычном для его предшествующей работы большом коллективе, по-видимому, в отделе основных планировочных работ. В 1931 г., при ликвидации МОКХ, все планировочные работы были переданы в Планировочно-земельный отдел Моссовета (Мосгорисполкома)¹¹, главной задачей которого была поставлена подготовка схемы планировки Москвы [40, с. 274]. Сектор основной планировки в этом отделе возглавил К. Майер (архитекторы А.В. Бунин, А.К. Болдырев, В.И. Долганов, Л.Е. Загорский, М.Г. Круглова и др.) [16]. С проектом планировки Москвы и будет связана вся творческая деятельность К. Майера в СССР. Грандиозная задача, конечно, была воспринята с воодушевлением. Но К. Майер оказался среди московских профессионалов, которые вряд ли с энтузиазмом приняли приход «варяга» на свое проектное поле, и проблема конкурентной борьбы за «место под солнцем» будет также сопровождать всю его недолгую жизнь в Москве.

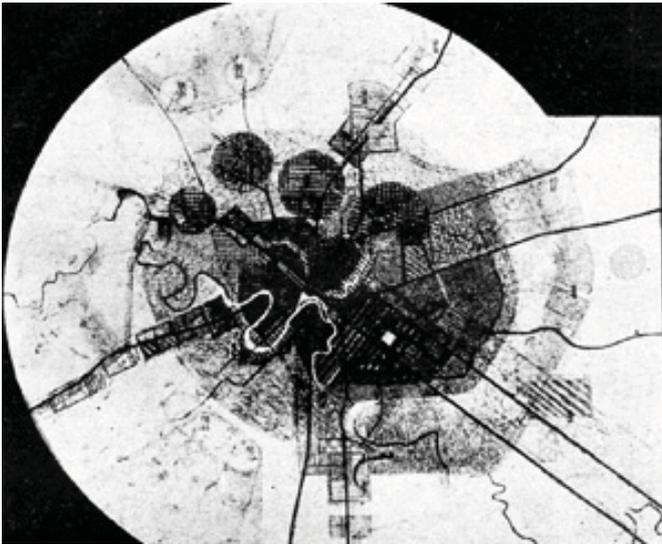

Рис. 3. В. Семенов, С. Болдырев, П. Гольденберг, В. Долганов. Эскизная схема перепланировки Москвы. 1930 [12]

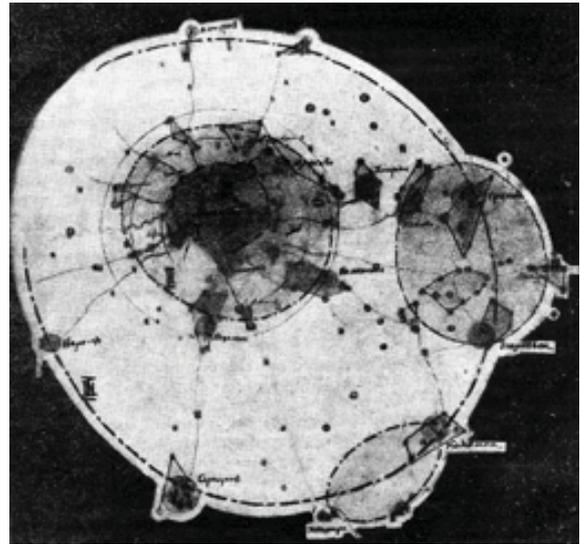

Рис. 4. В. Семенов, П. Гольденберг, В. Долганов, С. Болдырев. Московская планировочная система. 1930 [12]

Прежде всего стоит иметь в виду, что к началу работы К. Майера в СССР в Планово-земельном отделе МОКХ уже создавался новый проект перепланировки Москвы – к концу 1930 г. была подготовлена «Эскизная схема перепланировки Москвы» (рук. В.Н. Семенов, арх. С.А. Болдырев, П.И. Гольденберг, В.И. Долганов) [12]. (рис. 3,4) Эта работа представляется чрезвычайно важной в сравнительном аспекте, и не только в силу единого заказчика и близкой хронологии, но и в силу того, что проект выполнялся под руководством В.Н. Семенова – будущего руководителя коллектива генплана Москвы и основного конкурента К. Майера.

Необходимо отметить несколько ключевых моментов. Проект выполнен вполне в духе времени, еще ориентированного на новацию и передовой зарубежный опыт, хорошо знакомый опытному градостроителю В.Н. Семенову. Проект называет существующую планировку Москвы «в своей основе еще в значительной степени докапиталистической (феодальной)», и резко отрицает реакционный, «капиталистический» путь развития Москвы – «перенесение «метода Гаусмана» на московскую почву и превращение Москвы в «Париж № 2». Социалистический же метод проект представляет как «во-первых, планомерно осуществляемую децентрализацию городской системы путем развития районных центров, подчиненных историческому центру и, во-вторых, как организацию уличного и неуличного транспорта, объединяющего децентрализованную московскую систему в одно целое с сохранением (для данного этапа) ведущей роли за старым городским центром». Планировочная система московского пятна осуществляется в виде сложной системы городов-комплексов, расположенных вокруг старого центра и обладающих значительной долей планировочной самостоятельности, и, далее, пригородов и городов-спутников. В.Н. Семенов, несомненно, опирается здесь на столь высоко оцененные им еще в книге «Благоустройство городов» [53] принципы группового расселения и эластичности городского плана. В проекте предполагается развитие города на восток, как в связи с размещением промышленности Москвы, так и со смещением в восточную сторону расположенных по эллиптической кривой прилегающих промышленных городов. Подчеркивая движение города на восток, проект группы В.Н. Семенова предполагает постепенное смещение в эту сторону административного и торгового центров, тем самым формируя полицентрическую структуру будущей Москвы.

Несмотря на ведущееся под руководством В.Н. Семенова проектирование¹², К. Майеру также поручается составление генеральной схемы Москвы. Эти работы начались, видимо, с

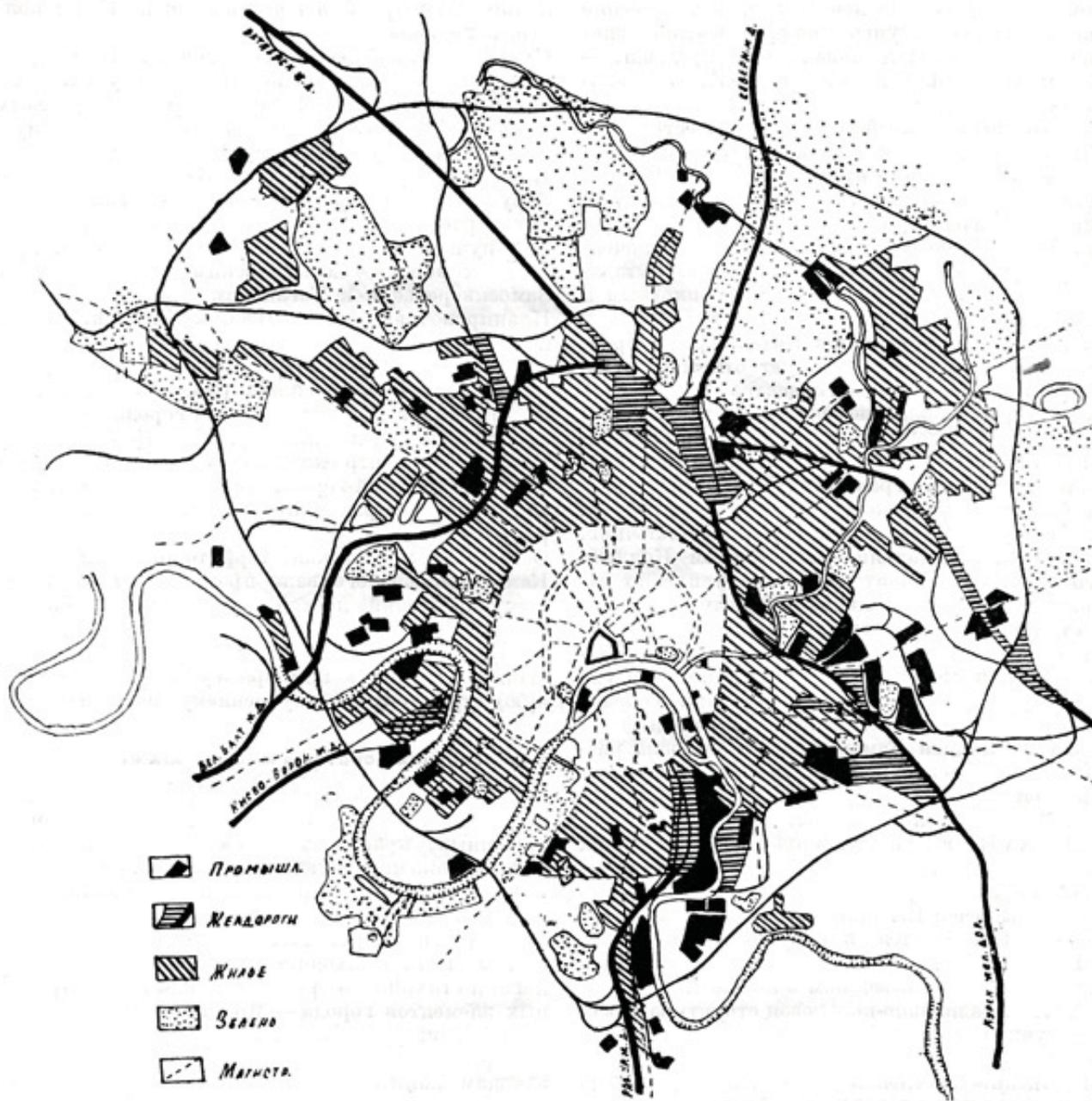

Рис. 5. Планировочная схема Москвы на рубеже XIX – XX вв. [19]

осени 1930 г., и первый проект был закончен к весне 1931 г. Несомненно, работая в структуре МОКХ, К. Майер должен был ориентироваться на заданные МОКХ установки и, в частности, ориентиром должны были являться «Основные положения новой планировки Москвы». Этот документ был консервативен в своих основах. Он предполагал, прежде всего, сохранение существующей планировочной радиально-кольцевой схемы и ограничение районов кольцевой планировкой; развитие города путем наслоения колец, при котором неизменным оставалось центральное ядро в пределах колец А и Б, а пригороды приращивались третьим кольцом [58, с. 228 – 230]. таким образом сохранялась и закреплялась статичность городской структуры. Стремление к сохранению и развитию исторически сложившейся системы радиально-кольцевой планировки было заложено и в проектах «Новой Москвы» А. Щусева (1923) и «Большой Москвы» С. Шестакова (1925), которые были ориентиром. На фоне дискуссии о «социалистическом расселении» и «социалистическом городе» 1929 – 1930 гг.,

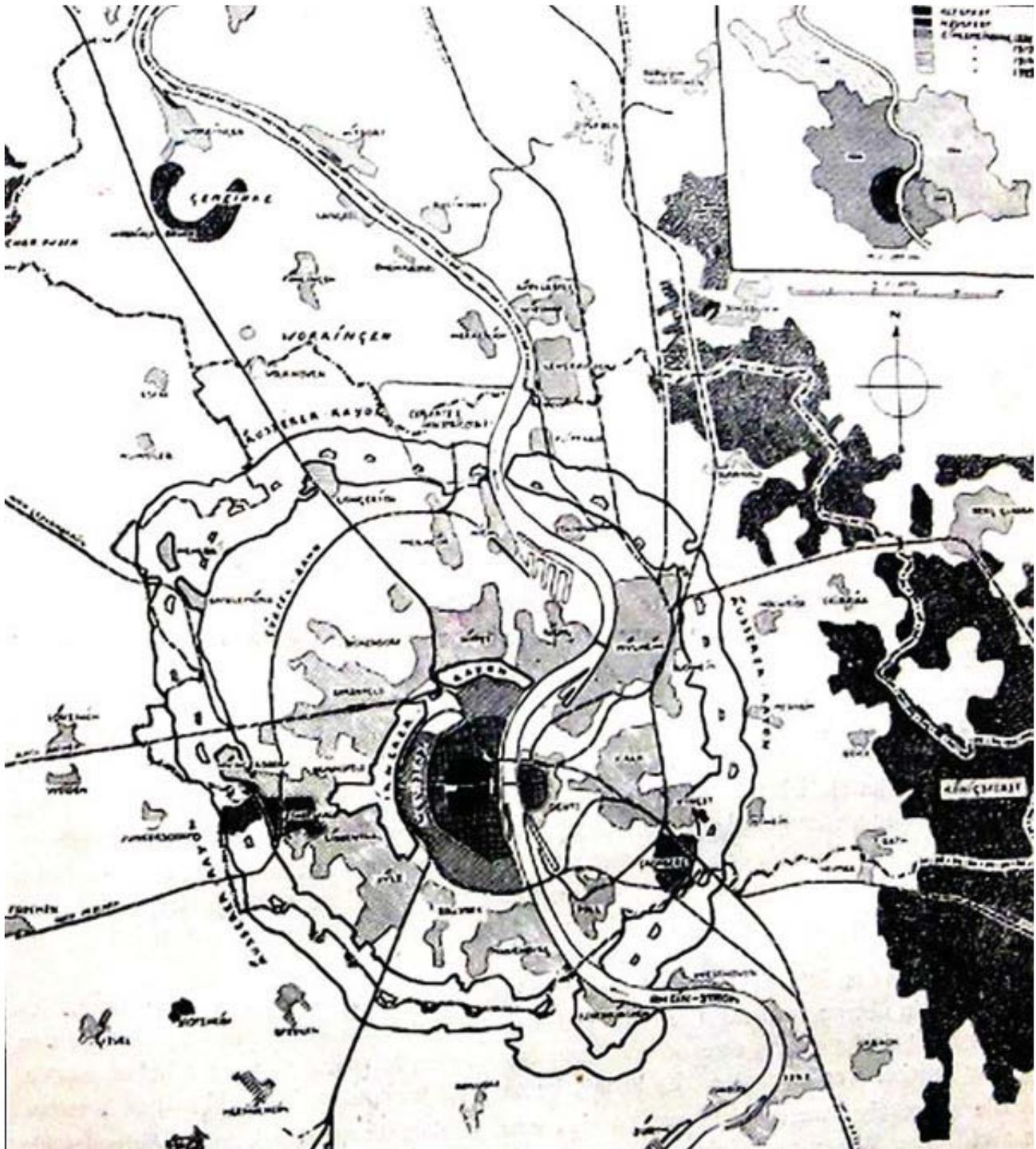

Рис.6. План исторического развития Кёльна до 1918 г. [65]

МОКХ открывает дорогу самым разнообразным точкам зрения на планировочное развитие Москвы, составляя знаменитую анкету о роли Москвы и принципах ее градостроительной организации [20] и объявляя конкурс¹³. Но концептуальное и практическое существовало в разных плоскостях. Г.Н. Яковлевой была высказана точная мысль о том, что МОКХ, выступая инициатором и заказчиком проектов реконструкции Москвы, в то же время отвечал за повседневную жизнедеятельность столицы и должен был защищать реальную жизнь от проектного радикализма [61, с. 69].

С этой точки зрения К. Майер был адекватной задачей МОКХ фигурой – имея долговременный опыт практической работы в строительном управлении Кельна, он также не был сторонником радикальных преобразований. Одна из принципиальных

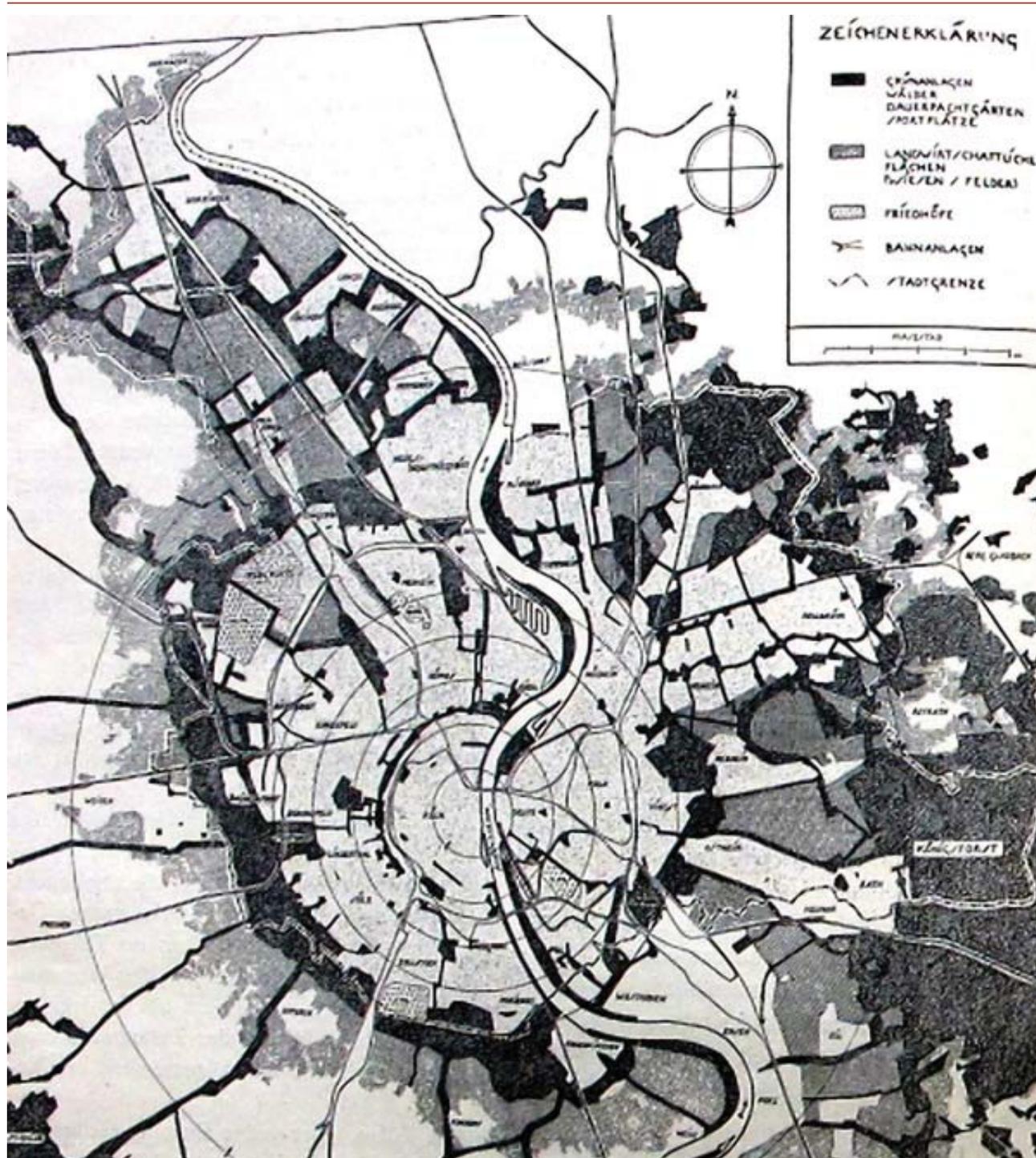

Рис. 7. Ф. Шумахер. Проект системы зеленых и свободных территорий Кёльна [65]

основ предложенного им проекта Москвы: «дать такое планировочное решение города в целом, которое позволяло бы генплан реконструкции и развития города увязать с текущим строительством в условиях его быстрых темпов» [22, с. 8]. И, кроме того, все с той же прагматической точки зрения, «все оставшиеся от буржуазии ценности города... надлежит широко эксплуатировать, чтобы сэкономить силы и средства на строительство всего производства и на оборону» [34, с. 6].

За плечами К. Майера был ценный для советских условий градостроительный опыт. Город Кёльн и проект его реконструкции архитектора Ф. Шумахера – очевидные и непосредственные истоки творческой концепции К. Майера. Заметим, что перед приездом в Москву К. Майер оговаривает с потенциальным работодателем необходимость обязательной встречи с

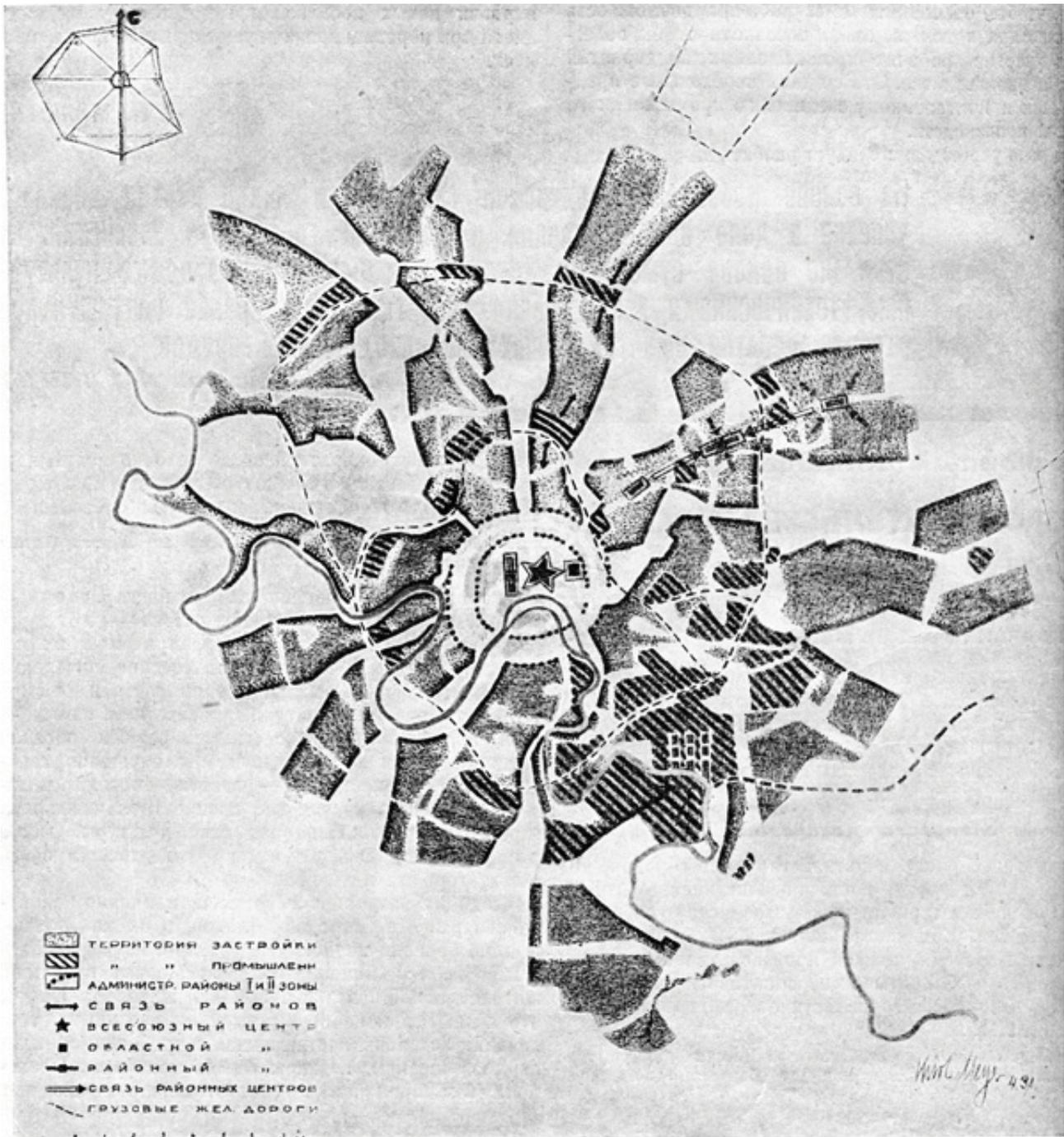

Рис. 8. Бригада К. Майера (С. Болдырев, Г. Бальян, А. Бунин, П. Диденко, М. Круглова). «Большая Москва». Схема генплана. 1931[34]

«выдающимися специалистами по строительству городов», и из пяти человек первым называет Ф. Шумахера [10, л. 12]¹⁴.

Для планировщика очевидна в Москве и Кёльне близость исходных условий: исторические многовековые города в излучине крупной реки с радиально-концентрической планировкой (рис. 5, 6). Очевидна и разница в масштабах: Ф. Шумахер проектирует для города с населением 600 тыс. человек с перспективным увеличением числа жителей до 1 млн., перспективы роста Москвы были обозначены июньским Пленумом ЦК ВКП (б) 1931 г. в 4 млн. человек. Но общность принципиальных подходов несомненна, прежде всего, в главном – традиционалистский подход, не разрушение, а корректировка исторически сложившейся планировочной системы (рис. 7).

Обратимся к проекту Москвы К. Майера, в основе своей созданному осенью 1930 –

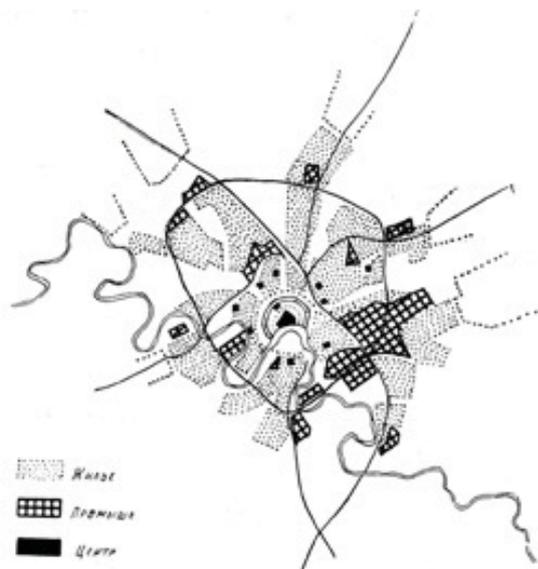

Рис. 9. К. Майер. «Большая Москва». Схема генплана. 1932 [19]

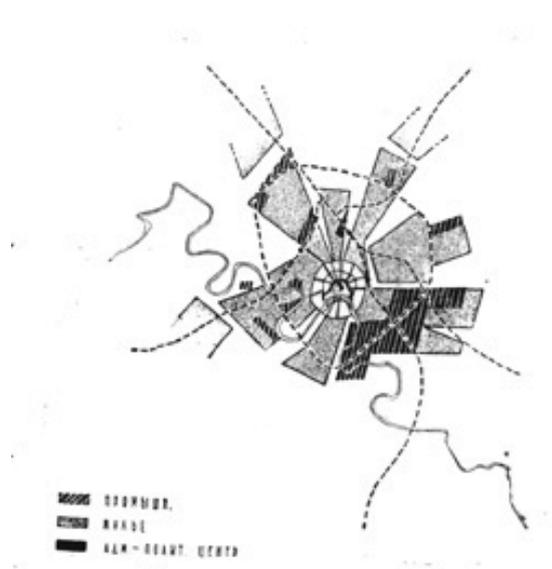

Рис. 10. К. Майер. «Большая Москва». Схема генплана. 1932 [43]

весной 1931 г., и затем лишь откорректированному в ходе конкурса на проект планировки Москвы 1931 – 1932 гг. [22, 34]. К. Майер сохраняет компактное городское пятно и планирует город площадью 56 тыс. га (против существующей 24 530 га) и 4 млн. человек на территории в пределах 15-километрового радиуса (2,5 млн. в пределах существующих границ и 1,5 млн. на новых территориях), с условием, что пригороды являются самостоятельными индустриально-аграрными образованиями в пределах 30 – 40 км. зоны Москвы. Развитие города планируется на восток, за счет расширения, прежде всего, Пролетарского и Сталинского районов [22, с. 9]. В этом К. Майер обращается к сложившемуся мнению планировщиков МОКХ, согласно которому город следовало развивать на восток, юго-восток и северо-восток, ориентируясь на приоритетное развитие промышленного района на юго-востоке [23, 47] (рис. 8).

При формировании планировочной структуры Москвы (рис. 9-11) К. Майер учитывает специфику сложившейся моноцентрической и центростремительной планировки города с акцентировкой радиусов. Однако он предлагает ее переосмысление. Положив в основу структуры города районы, К. Майер размещает их по радиусам, вдоль главнейших магистралей, обеспечивая этим основную систему внутригородских связей, и придает им прямоугольную форму для наилучшего решения транспортного сообщения [22, с. 9].

К. Майер метафорически переосмысливает понятия «луч» и «лучевая планировка». Схема Москвы образно представляется ему как город-звезда, со всем политико-идеологическим наполнением этой фигуры. К. Майер предлагает и другой вариант переосмысления центростремительного характера радиальной планировки: «Принципом государственного порядка социализма является принцип демократического централизма. Идеальная геометрическая фигура этого принципа – система лучей» [19, с. 18]. Следует заметить, что такой образный подход свойственен и мышлению Ф. Шумахера, как например, в схематических диаграммах связи исторического ядра и поселений нового Кёльна [65, с. 292, 294, 296, 298] (рис. 12). Политическое содержание проекта, которое К. Майер подчеркивает, фактически исчерпывается лишь обозначением, принципы реконструкции города строятся на иных, функциональных, основах и подробно разъясняются.

Определяющими моментами для структуры города К. Майер называет социалистическую организацию, гигиенические требования и организацию транспорта [34, с. 6]. Учитывая, что под требованием «социалистической организации» К. Майер понимает «тесную связь между местом работы и жилищем» [34, с. 7], мы видим здесь характерный набор первичных для разрешения проблем, выработанный передовым европейским градостроением за первую

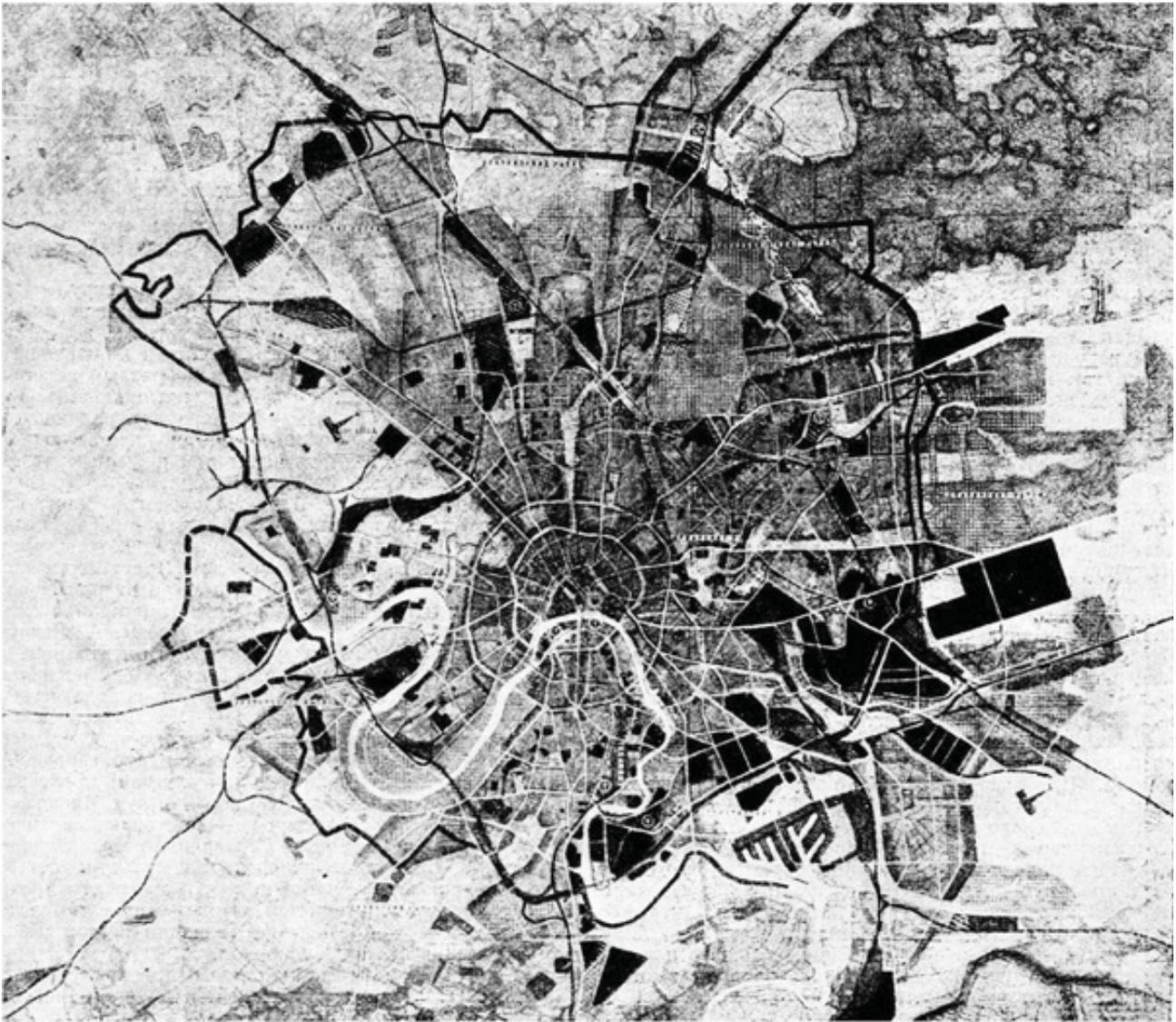

Рис. 11. К. Майер. «Большая Москва». Генплан. Проект. 1932 [19]

треть века. И те же самые главные «заботы» при реконструкции города, которые выстраивает в иерархии и Ф. Шумахер: гигиенические условия (зеленые и свободные площади), возможность комфортного перемещения (организация транспортной системы), рабочие условия (характер и размещение производства) [65, с. 185].

К. Майер придерживается аналогичной с Ф. Шумахером точки зрения в решении спорного вопроса о соотношении места работы и места жительства – это непосредственная территориальная взаимосвязь [65, с. 175; 34, с. 7]. К. Майер пишет: «Первым требованием социалистической организации жизни является тесная связь между местом работы и жилищем... В таком соединении мест работы и жилья можно усмотреть основную первичную ячейку города». В соответствии с этим тезисом проект К. Майера предусматривает деконцентрацию промышленности и соответствующую децентрализацию города, а именно районную структуру, где каждый район получает хозяйственную и культурно-бытовую самостоятельность. Он обладает своей производственной базой, политическим, административным и культурным центром. Поскольку градообразующий фактор района – производство, то существующая в Москве система районов и их границ корректируется, число жителей ограничивается ориентировочно 300 тысячами жителей, а население района понимается как единый производственный коллектив [22, с. 9 – 11]. Устремленность архитекторов и градостроителей эпохи авангардных поисков к социально-организующей

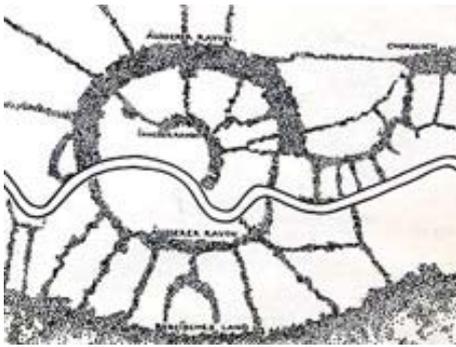

Рис. 13. Ф. Шумахер. Схема озеленения Кёльна [65]

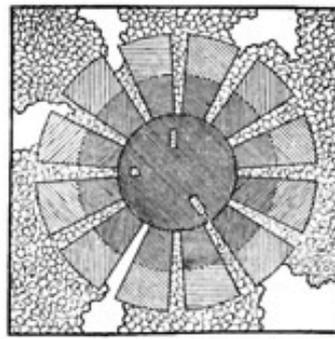

Рис. 14. Б. Мёринг, Р. Эберштадт, Р. Петерсен. Проект реконструкции Берлина. 1910. Схема зеленых насаждений [15]

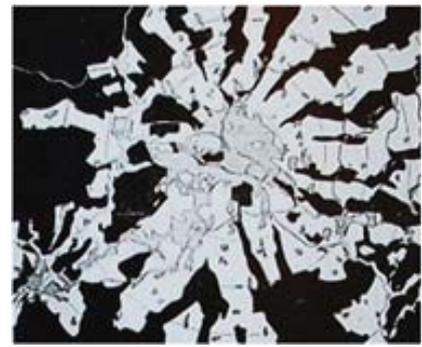

Рис. 15. Б. Мёринг, Р. Эберштадт, Р. Петерсен. Проект реконструкции Берлина. Система зеленых насаждений. 1910 [14]

роли не обошла и К. Майера – он предполагает важным создать в районе соразмерное распределение социальных слоев [34, с. 7].

Система озеленения – также стержневая основа концепции К. Майера, естественно, восходящая к идее города-сада и ее интерпретациям. Он размещает зеленые зоны по кольцам А и Б (Останкино, Сокольники, Измайлово и т.д.), а между районами предполагает «зеленые пространства, которые разрыхляют город и проникают до самого ядра» [22, с. 9]. Это «радиальные зеленые коридоры», идущие от центра города к периферии в радиальном направлении, выступающие связующими звеньями с территориями для отдыха и сельскохозяйственными зонами [34, с. 8]. Подобный подход – это не только обращение непосредственно к проекту реконструкции Кельна, где Ф. Шумахер называет зеленые клинья «кровеносной системой», по которой течет воздух от внешнего зеленого кольца к центру [65, с. 111], а зубчатую форму рисунка городского плана предполагает наиболее адекватной, дающей чередование застроенных и свободных площадей [65, с. 294]. Такие радиальные зеленые коридоры – наработанный германский опыт 1900-х – 1910-х гг. (рис. 13). Значительную роль для всего последующего градостроения сыграл конкурс на проект «Большого Берлина» (1908 – 1910). Проект победителей – Бруно Мёринга, Рудольфа Эберштадта, Рихарда Петерсена предполагал в том числе «лучевую» форму развития города вдоль транспортных магистралей и размещение зеленых площадей как зеленых клиньев, идущих к центру от кольцевой парковой зоны и ландшафтного окружения (рис. 14, 15).

Подобная радиальная схема перепланировки с секторным распределением территории и клиньями зеленых зон была предложена впоследствии и для реконструкции Бреслау в проекте «Большого Бреслау» Ридинга [14, 15]. Одним из первых Ф. Шумахер выстраивает иерархию озелененных пространств от спортивных и игровых площадок до общественных парков. К. Майер развивает эту идею в большем масштабе, в условиях отсутствия частной собственности на землю, в его проекте предусматриваются сельскохозяйственные зоны; территории для отдыха, ПККиО; озеленение жилой зоны; озеленение улиц, защитные зеленые полосы [34].

Гигиенические требования, которые понимаются прежде всего как соотношение застроенных и свободных или озелененных площадей, равное или решенное в пользу последних, – важная часть проектов планировки 1910-х – 1920-х гг., генетически связанных с идеей города-сада, в т.ч. отдельно их оговаривает и К. Майер [34, с. 8]. Гигиеническая необходимость в воздухе, свете, открытом пространстве обуславливает у Ф. Шумахера и К. Майера приоритет малоэтажной застройки (2 – 3 этажа), сохраняющей непосредственную взаимосвязь между человеком и природой. К. Майер предполагает строительство высоких жилых домов только в исключительных случаях, ограничивая высотность рамками административных зданий в пределах кольца «А» [65, с. 200 – 201; 34, с.8].

Рис. 16. Бригада К. Майера. Проект «Большая Москва». Концепция схемы магистралей. 1931[22]

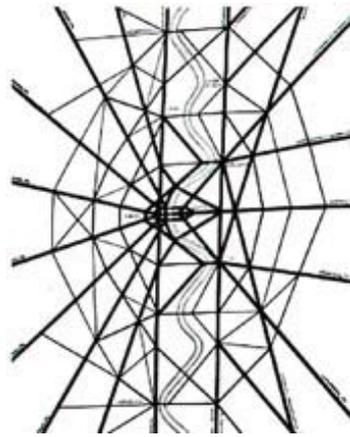
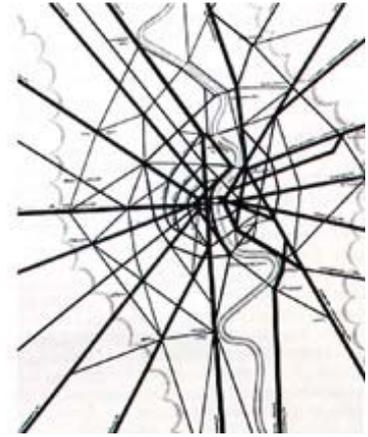

Рис. 17. Ф. Шумахер. Идеальная и практическая схемы уличной сети Кёльна [65]

Воспринимая идею поселения-сада с точки зрения гигиенических и художественно-образных требований, ни Ф. Шумахер (который проектирует предместья-сады Кёльна – «Новый город», «Гартенштадт – Норд» и др.), ни К. Майер не воспринимают в собственной практике основную идею системы городов-садов – децентрализацию. К. Майер замечает: «Выдающуюся роль играет система так называемых городов-спутников или городов-сателлитов. Зачастую высказывается мнение, что эта система применима к социалистической столице, т.е. к Москве... Мысль системы сателлитов является лишь выражением неспособности капитализма создать условия здорового градостроительства... Хотят сгруппировать здоровые пригороды вокруг больного города-матери. Для структуры социалистической столицы понятие города-сателлита не подходит» [34, с. 10].

Особое, приоритетное, внимание уделяет К. Майер транспортной системе, наиболее подробно разрабатывая этот аспект, понимая его как костяк структуры города и, пожалуй, главный способ решения проблем большого города. Система транспортных магистралей формируется К. Майером не только как сочетание кольцевых (кольца А и Б) и радиальных магистралей, его знаменитое предложение – система обходных тангенциальных магистралей, прежде всего образующих связь с промышленным юго-восточным районом [22, с. 9 – 10] (рис. 16). Идея тангенциальных магистралей была сформулирована Ф. Шумахером в проекте реконструкции Кёльна [65, с. 135 – 137]. Интересно, что в разработке транспортной системы для Москвы виден концептуальный метод проектирования Ф. Шумахера – от идеальной теоретической модели к ее конкретизации в соответствии с реальными условиями [65 с. 135] (рис. 17). Это можно предположить, исходя из сопоставления теоретической схемы транспортных магистралей Москвы К. Майера, опубликованной в статье П. Диденко [22], и привязанных к реальной ситуации планировочных схем конкурсного проекта, опубликованных в труде Х. Боденшатца и К. Пост [62, с. 146].

Решение одной из главных транспортных проблем Москвы – транзитной перегрузки центра – К. Майер предлагает не только обходными тангенциальными магистральями, но и проектируя линии метро не только по радиальной, но и по прямоугольной схеме. Схема метро, представленная К. Майером в рамках конкурса¹⁵, предполагала равномерное обслуживание метрополитеном всех районов города. Акцентировались радиальные оси, число их пересечений в центре было сведено к пяти, и в качестве первоочередной линии предполагался диаметр от промышленного юго-восточного района к жилому массиву на северо-западе. Примечательно, что вместо кольцевой линии, чье создание предполагалось еще до революции и воспроизводилось вновь в 1932 г. в проектах АПУ и Метростроя, предлагалась незамкнутая линия по Бульварному кольцу и ломаная, П-образная незамкнутая линия, охватывающая всю

Рис. 18. Бригада К. Майера. Схема загрузки центра Москвы. 1931 [34]

Рис. 19. Бригада К. Майера. Схема линий метрополитена. 1932 [30]

восточную часть города и тянущаяся в обход центра от ЦПКиО на юго-западе до жилого района Марьиной рощи на севере [30, с. 7]. Отдельно К. Майером разрабатывается вопрос и о сети пассажирских и товарных станций [37] (рис. 18, 19).

Немаловажный аспект всех конкурсных проектов – олицетворение Москвы как столицы мирового коммунистического движения. Этот политический аспект обусловил отдельное рассмотрение вопроса организации центра, причем во взаимосвязи с чисто функциональной проблемой – перегрузки центра транспортными и людскими потоками. Проект К. Майера предполагал центр как район особого характера, приблизительно в границах кольца Б. Здесь должны были располагаться здания центральных учреждений мирового, союзного и республиканского значения – Коминтерн, ЦК ВКП (б), ЦИК, наркоматы, правительство и т.п. Кроме того, на территории предполагались культурные сооружения, гостиницы, учреждения по обслуживанию районов. При этом в границах кольца А размещались только такие учреждения, которые не вызывают ежедневного массового движения между этими учреждениями и другими районами города. На периферии центра предполагалось жилье для работников центральных учреждений [34, с.7].

В связи с проектным решением центра важным становился вопрос о сохранении исторического наследия, который самостоятельно не ставился и не разрешался ни в одном из проектов, безусловно ценными объектами признавались лишь Кремль и Красная площадь. Судить о будущем исторической Москвы в проектах можно лишь по косвенным данным, в т.ч. и у К. Майера. В соответствии с проектом все центральные учреждения и связанные с ними объекты располагались в органической связи с Кремлем и Красной площадью, кроме того, предполагалась и реконструкция Китай-города (намеченная еще в планах МОКХ). Для прокладки радиальных и тангенциальных магистралей предполагались преимущественно существующие шоссе и улицы. Новые трассировки намечались на незастроенных или слабо застроенных участках [22, с. 9]. Несомненно, это означало снос значительного числа объектов исторической застройки, которая в глазах советской власти не представляла ценности, это

озвучивалось с высоких трибун и служило руководством к повседневной архитектурно-строительной деятельности. Сложно винить К. Майера в небрежении к российскому историко-архитектурному наследию, учитывая контекст и агрессивные претензии к существовавшим проектам А.В. Щусева и С.С. Шестакова в сохранении старой буржуазной Москвы.

Проект, предложенный К. Майером и его сотрудниками, несомненно, оставался в рамках традиционалистской линии в том смысле, что был построен на корректировке существующей радиально-кольцевой планировочной системы. При составлении проекта он, бесспорно, обращался к германскому градостроительному опыту 1900 – 1920-х гг. и, непосредственно к теории и практике реконструкции Кёльна. И он указывает те передовые идеи, которые считает достижением «современного буржуазного градостроительства»: «Казалось бы целесообразным указать на следующее поразительное явление, а именно на то обстоятельство, что теоретические требования, предъявляемые со стороны современного буржуазного градостроительства к организации гигиены и транспорта столиц, имеют некоторое формальное сходство со структурой социалистического города, требуют создания здорового города, больших свободных территорий, проходящих через город. Они сетуют над нерациональной загрузкой движением «сити» и предлагают в целях сокращения массового движения поселять рабочих вблизи их заводов» [34, с. 8]. Это именно те идеи – гигиенические требования, транспортная система, соотношение мест приложения труда и жительства, которые он сделал стержневыми в своем проекте, оставив в стороне вопросы как социалистической организации быта, так и репрезентативной образности. С его точки зрения, у буржуазных градостроителей «нет веры в возможность проведения на практике их теорий», и их предложения «отмечены печатью того же бесплодия» [34, с. 8]. Эта главная проблема практического осуществления замысла снимается в условиях социалистического общества, и реализация вышеназванных ключевых аспектов дает возможность изменить условия городской среды, не прибегая к радикальным методам.

Именно проект, разработанный бригадой МОКХ под руководством К. Майера к весне 1931 г., получил практическое значение. Все строительство в Москве до окончательного определения принципов планировки города должно было быть согласовано «с уже имеющейся у план.-зем. отдела схемой планировки, составленной под руководством т. Курта Майера» [42, с. 3]. К. Майер вполне мог ощущать себя влиятельной фигурой.

Однако 1931 г. окажется переломным для определения принципиальных подходов к перепланировке Москвы, и временем важных организационных мероприятий – важной подготовительной работы, полную хронологию и событийность которой сложно восстановить ввиду того, что этот процесс не получил открытого освещения. Но результаты этой деятельности стали вскоре очевидны.

Во-первых, заявила о себе единственная «руководящая и направляющая сила», прежде находившаяся в тени. Об этом недвусмысленно пишет Л.М. Каганович в воспоминаниях: «Положение дел в городском хозяйстве Москвы обсуждалось не только в московском комитете, но и в Политбюро ЦК. Помню выступление т. Сталина на Политбюро. Необходимо, сказал он, развернуть работу широко и взяться за коренную реконструкцию Москвы и вместе с ней – всех крупных городов СССР». Политбюро создало комиссию, в которую вошли члены Политбюро, в том числе и Сталин. Председателем комиссии был назначен Каганович Л.М., и его же назначили докладчиком на июньском Пленуме ЦК, на котором был поставлен вопрос о Московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР... «После Пленума ЦК развернулась грандиозная работа по всем крупным городам СССР, особенно в Москве, где я как секретарь МК вместе с другими руководящими товарищами Булганиным, Хрущевым, Каминским, Маленковым, Филатовым и другими непосредственно принимал руководящее участие в этой работе» [28, с. 424 – 425]. Таким образом, следующий этап проектирования Москвы начинается после Июньского Пленума ЦК ВКП (б) 1931 г. Примечательно, что в опубликованной в 1935 г. докладной записке Московского областного и городского комитетов

ВКП (б) и Моссовета о генеральном плане реконструкции Москвы подчеркнуто, что «настоящий план...составлен на основании указаний ЦК ВКП (б), правительства и вождя партии и страны т. Сталина» и что «к разработке проекта было приступлено немедленно после июньского пленума ЦК ВКП (б) 1931 г.» [18, с. 43]. Таким образом, был просто отсечен весь предшествующий период поиска 1929 – первой половины 1931 г. в МОКХ, когда не было непосредственного контроля и руководства со стороны партии, и не были еще озвучены принципиальные положения с партийных трибун. Это важный момент для понимания, где и как принимались ключевые решения о принципах планировки Москвы.

Во-вторых, организационные мероприятия завершились созданием в начале 1932 г. Архитектурно-планировочного управления Моссовета (АПУ) [33, с. 4], в состав которого вошел и Планировочно-земельный отдел Мосгорисполкома. На АПУ была возложена задача составления общего и районных планов Москвы и архитектурно-художественное оформление города, включая проекты улиц, площадей, парков, набережных и отдельных зданий [39, с. 44]. Главным архитектором АПУ и, соответственно, руководителем всех планировочных работ был назначен В.Н. Семенов. Кроме того, в начале 1932 г. «для руководства вопросами, связанными с планировкой и архитектурным оформлением Москвы» создан Архитектурно-планировочный комитет Моссовета. Председателем комитета назначен заместитель председателя Моссовета Т.С. Хвесин, среди крупных политических фигур в нем стоит отметить А.В. Луначарского и Г.М. Кржижановского, а в числе архитекторов были М.В. Крюков, В.Н. Семенов, М.Я. Гинзбург, Н.А. Ладовский, К.С. Алабян, Б.М. Иофан, А.В. Щусев, В.А. Веснин и др., в т.ч. и иностранные архитекторы К. Майер, Х. Майер, Э. Май [29, с. 213]¹⁶. Кроме того, в ответ на апрельское Постановление ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 4 июля был образован Союз советских архитекторов, предполагавший полный охват архитектурного сообщества на основе единой идеологической платформы и иерархизированной структуры.

В-третьих, были определены и принципы перепланировки Москвы. Эти принципы были четко озвучены в январе 1932 г. в речи Л.М. Кагановича на 3-ей областной и 2-ой городской партконференции: «В основу реконструкции Москвы необходимо положить, во-первых, исторически сложившийся принцип радиально-кольцевого города, во-вторых, разгрузить перегруженные радиальные улицы и центр города, усилив кольцевое движение, в-третьих, выровнять улицы, расширить и создать новые площади и свести множество мелких улиц и переулков в одну линию. И, наконец, в-четвертых, надстроить этажи, украсить, озеленить и дать архитектурное оформление всему городу»¹⁷.

На фоне этой интенсивной организационной и идеологической работы проходил заказной конкурс на проекты генеральных схем Москвы. Он был объявлен Моссоветом после июньского Пленума ЦК ВКП (б) 1931 г. и должен был привлечь архитектурные общества и организации, а также «крупнейших иностранных архитекторов-планировщиков» [42, с. 2]. В конкурсе приняли участие, как известно, бригады Э. Мая, Х. Майера, К. Майера, Г.Б. Красина, В.Б. Кратюка, Н. Ладовского и ВОПРА [52, с. 142]. За период с 1.10.1931 г. по 1.02.32 г. нужно было представить схемы генплана Москвы и после обсуждения и выбора окончательных вариантов к 1.04.1932 г. предполагалось представить общую планировку, а к 1.10.1932 г. проекты должны были быть полностью завершены [58, с. 319 – 320]. Весной 1932 г. были представлены 7 конкурсных проектов генеральных схем Москвы [52, с. 142].

Однако уже состоявшееся формирование системы «АПУ – Архплан» сделало лишним конкурсное проектирование. Показательно, что на конкурс не был представлен проект В.Н. Семенова, который уже руководил реальными и интенсивно идущими работами по перепланировке Москвы вне всякого конкурса. Вместе с должностью В.Н. Семенов получил и право быть выразителем официальной точки зрения, и право публичной критики иных проектных предложений. Это уже ярко проявилось в июньской статье В.Н. Семенова «Москву

планировать и планомерно застраивать» [55] и получило логическое завершение в докладе на совещании в МГК ВКП (б) и Президиуме Моссовета в последних числах июля 1932 г. [54]. Это совещание показало истинное положение дел. Формально двухдневное совещание подводило итоги конкурса: проекты были выставлены в зале Советов, конкурсанты представляли краткую информацию о своих концепциях, выступали эксперты, велась дискуссия¹⁸. Но никаких итогов объявлено так и не было. Примечательно, что Л.М. Каганович сразу обозначил суть этого мероприятия исключительно как «обмен мнениями о планировке города»¹⁹. И оценка проектных предложений велась с позиции их соответствия уже определившимся к этому времени принципам перепланировки Москвы. При этом конкурсанты и эксперты, по крайней мере, из числа иностранных участников – Э. Май, К. Майер, Х. Майер, Б. Таут, судя по их реакции на событие и его результаты, были совершенно не готовы к тому, что конкурс окажется лишь формальностью с заведомо известным результатом.

К. Майер выступил с кратким изложением проекта, суть которого обозначил тремя словами: «центр, зелень, транспорт». Однако первый пункт охарактеризован в двух строчках, где обозначено, что идея проекта базируется на политическом содержании Москвы, и политический центр будет совпадать с Кремлем и Красной площадью. Напротив, система зеленых насаждений и реконструкция транспорта, где акцентирована реконструкция железных дорог и виды магистралей, рассмотрены насколько возможно, подробно. Именно эти два пункта К. Майер, по-видимому, считает главными конкурентными достоинствами своего проекта, и именно эти положения в дальнейшем будут отмечаться экспертами и критиками.

В двухчасовом итоговом докладе на совещании Л.М. Каганович отдельное внимание уделил проекту К. Майера: «Мы имеем далее проект немецкого архитектора Курта Майера. Этот проект исходит из существующего радиально-кольцевого строения Москвы. В схеме т. Майера Москва является комплексом районов-городов, расположенных радиально к центру города и обеспеченных всеми органами снабжения, гигиены, культуры. Между районами вклиниваются зеленые пространства, проникающие до самого центра города... Нужно признать, что Курт Майер дал более или менее законченный проект будущей Москвы. Но приемлем ли этот проект? Я считаю, что это все же не является тем проектом, который наиболее отвечает нашим целям. Правда, из его предложений многое совершенно правильно. Многие элементы его плана можно будет, несомненно, использовать в частности в области транспорта и зеленых зон» [7, л. 8].

Конечно, соответствие «нашим целям» это, прежде всего, сохранение компактного городского пятна и радиально-кольцевой центростремительной планировки – именно та концепция, которая ляжет в основу будущего генерального плана Москвы 1935 г. Но вряд ли можно утверждать, что партийная элита «выбрала» схему К. Майера и он является «автором концепции Генплана-35 и возврата к моноцентрической схеме», и что «в этот период основные идеи К. Майера приписывались Кагановичу» [13, с. 269, 271]. Тем более сложно предположить, что «основное внимание привлекло политическое содержание схемы К. Майера, которая ярко выражала идею концентрации всей полноты власти в руках партии, оправдывая использование планировочной структуры царской столицы в условиях так называемого демократического централизма» [13 с. 269]. Напротив, подобный подход подвергся осмеянию со стороны Л.М. Кагановича на том же июльском совещании: «Здесь, между прочим, т. Курт Майер пытался доказать, что система планировки Москвы потому приемлема для нас, что радиально-кольцевая схема наиболее отвечает пролетарскому принципу демократического централизма. Но разве в Париже, в этой столице реакционной буржуазии, не сохранилась эта система? Неужели же французская буржуазия является сторонницей пролетарского демократизма? Или, может быть, феодализм является эпохой демократического централизма? Этот аргумент лишний раз показывает, как неправильно механически приклеивать ту или иную схему нашей городской планировки к определенной социально-экономической эпохе» [7, л. 93].

Рис. 20. В. Н. Семенов и др. (АПУ Моссовета). Предварительный эскизный проект планировки Москвы. 1932 [24]

Власть приняла решение «в основу реконструкции Москвы положить... исторически сложившийся принцип радиально-кольцевого города», исходя отнюдь не из сравнительной оценки конкурсных проектов и вряд ли опираясь на проект «иностранного специалиста» К. Майера, а из своих – экономических и политических – соображений, уже имея к этому моменту готовое концептуальное решение. И градостроительная основа подобного решения иная, и ее неоднократно озвучивали и Л.М. Каганович, и В.Н. Семенов – это перепланировка Парижа бароном Османом. Стенограмма выступления Л.М. Кагановича на июльском совещании 1932 г. доносит его поверхностный взгляд на сущность реформы Османа и методы ее переложения на московскую почву: «Осман... сделал большое архитектурное дело.... Как работал Осман? Он работал очень скромно: он завершал кольца и выравнивал линии. Вот все, чем он ограничился, и этим хвастает французская буржуазия в течение десятков лет... Тот, кто хочет перекрыть и оставить в тени кольцевую систему только потому, что она зародилась при феодализме, никакой критики не выдерживает... Действительно ли радиальная кольцевая система реакционная по существу, действительно ли она несет неудобства для человека? И

я отвечаю – нет... Мы с Вами можем в Москве в общей сложности без больших трудов и затрат... получить радиально-кольцевую систему. 16 – 17 прямых улиц, 5 – 7 колец. Как же можно отказаться от таких благоприятных условий ради абстрактной схемы?» [6, л. 52]. В свою очередь, В.Н. Семенов возвращается к своей высокой оценке проекта Османа, данной еще в книге «Благоустройство городов» [53], и в докладе на июльском совещании 1932 г. также оправдывает возможность обратиться к реакционному капиталистическому опыту (что еще в проекте 1930 г. им и его коллегами осуждалось), подводя идеологическое обоснование: «... Париж – образец планирования, образец градостроительства для всего мира... Те работы, которые приписывают Осману в половине XIX столетия, делались на основе планов, разработанных во время Великой революции...» [54, с. 8].

Однако истоком можно считать отнюдь не только опыт Османа. Но это все равно будет интегрированное влияние весьма «буржуазных» и традиционных по характеру проектов реконструкции столичных и крупных городов XIX – начала XX века, сохраняющих компактность городского пятна, корректирующих исторически сложившуюся схему планировки, подчеркивающих величественный образ осями и кольцами с монументальной ансамблевой застройкой. Это прежде всего проект создания венских бульварных полуколец Сикардсбурга и Ван-дер-Ноля 1857 г. или более поздний, начала XX в., венский план О. Вагнера. Подобного рода проекты присутствовали и на конкурсах 1900 – 1920-х гг. по реконструкции различных европейских городов – Берлина, Антверпена, Кёльна и др. Кроме европейских проектов, несомненно, оказала влияние и «американская модель» – проекты реконструкции Вашингтона 1900-х гг. (Д. Бернхем, Ф. Олмстед и др.) и Чикаго 1909 г. (Д. Бернхем). Очевидно принципиальное отличие проекта К. Майера, делающего акцент не на репрезентативности и художественном эффекте, а на рациональном функционировании городской структуры, хотя, конечно, в сравнении с проектами радикальных преобразований планировочной схемы его проект был вполне традиционен²⁰.

Кроме того, как было убедительно показано Ю.Д. Старостенко, планировщики АПУ обращались и к проектам А.В. Щусева и С.С. Шестакова, на словах осуждаемым, и к планам МОКХ второй половины 1920-х гг. [57, с. 100]²¹. Это, возможно, объясняет такую результативность работ недавно образованного АПУ: уже к августу 1932 г. (т.е. в тот период, когда еще формально шел конкурс) были разработаны основные установки и предварительные расчеты по всем вопросам планировки [18, с. 44]. Осенью 1932 г. были уже закончены схемы планировки всех районов Москвы [33, с. 5], а также был составлен и опубликован предварительный эскизный проект планировки Москвы [24, с. 7, 8]. В июне 1933 г. АПУ доложило об окончании работ по общей схеме генплана и отдельным вопросам планировки Москвы [18, с. 44] (рис. 20).

Конечно, совсем обойти вниманием конкурс и конкурсные проекты было невозможно, тем более, самый обсуждаемый проект К. Майера. Видимо, первоначально необходимость публикации материалов конкурса была вопросом спорным. В статье А. Заславского и А. Козелкова в осеннем номере «Строительства Москвы», наряду с эскизной схемой АПУ, публикуются некоторые конкурсные проекты (за исключением проектов Х. Майера и Н. Ладовского) с краткими, в двух-трех строках, пояснениями [24]. Выработанная «официальная» оценка конкурсных проектов была изложена только в начале 1933 г. в статье П. и Б. Гольденбергов [19]. Х. Боденшатца и К. Пост справедливо полагают, что в этой публикации, возможно, воспроизводятся конкурсные экспертные оценки [62]. Достоинства проекта К. Майера, «ценными для их учета в дальнейших проектах по соцреконструкции Москвы», были признаны: решение Москвы в виде компактного пятна и реконструкция города на основе исторически сложившейся планировочной системы; создание комплексных районов; целостность зеленой системы; равномерное распределение вокзалов на городском плане; построение городского транспорта на основе связи жилых и промышленных районов и периферии с центром; выделение столичного центра в пределах

кольца «А» [19, с. 19]. Точно эти же пункты повторит позже и В.Н. Семенов, включая и тезис, что «принципиально правильные предложения Майера не получили ни планировочного, ни архитектурного разрешения» [52, с. 151].

Б. Таут свидетельствует о состоянии К. Майера после конкурса. В своем письме в начале октября 1932 г. он сообщает, что К. Майер производит впечатление впавшего в отчаяние человека, его отбросил в сторону Семенов, и К. Майер говорит, что старики, махровые реакционеры, сейчас без стеснения представляют себя героями дня²². Б. Таут также отмечает эту новую тенденцию – авторитет «обласканных» профессионалов «старой школы» – Жолтовского, Щусева, Семенова, и отношение к себе как к «незваному гостю»²³. Б. Таут фактически отразил изменение отношения к иностранным специалистам-архитекторам в целом. К. Майер, и в русле этой общей тенденции, и вследствие вытеснения его как конкурента, постепенно утрачивает свое положение.

В 1931 – 1932 гг. К. Майер – значимая фигура, один из тех крупных «иностранцев», которых в этот период еще принимают как важных персон. Как уже было сказано выше, К. Майер – руководитель планировочного отдела МОКХ до его реорганизации. Он, как представитель Мосгорисполкома и составитель проекта перепланировки Москвы, принимает участие в одном из шести заседаний Временного технического совета по строительству Дворца Советов (ВТС УСДС), на которых в период с 25 апреля по 4 июня 1931 г. обсуждалось место размещения Дворца. На заседании 16 мая К. Майер, высказываясь против предварительно избранного места – Охотного ряда, предлагает выбрать Зарядье или Болотную площадь, «где удобно можно расположить Дворец Советов, как по простору запроектированных площадей, так и для лучшей возможности разрешения вопроса движения массовых демонстраций и транспорта»²⁴. Основывает он это предложение на разработанных в МОКХ проектах схем планировки районов Москвы. Предложение было оценено – на последующих заседаниях среди нескольких вариантов размещения Дворца Советов наиболее удачными были признаны в том числе и Зарядье, и Болото. На заседании 1 июня в выработанном консолидированном решении ВТС предпочтительными называются два места – Китай-город и Болотная площадь [60, с. 32 – 33]. Как известно, место для Дворца Советов было выбрано совсем иное, причем именно то, которое большинством архитекторов – членов ВТС и приглашенных – было признано наименее удачным. Как известно и то, что кабинеты, в которых решение принималось, были вновь весьма далекими от проектных мастерских. В 1932 г. К. Майер является также постоянным консультантом-экспертом Научно-технического комитета при ВСКХ ЦИК СССР (наряду с другими европейскими архитекторами – Э. Маем, Х. Майером, Б. Таутом) [1]. Кроме того, в 1932 г. К. Майер вместе с Э. Маем и Х. Майером входит в состав Архитектурно-планировочного комитета Моссовета [29, с. 213].

Но уже в 1932 г. все постепенно начинает меняться, и этот тренд с каждым годом становится все яснее и яснее. Б. Таут отмечает это, ссылаясь на мнение Т. Хвесина о «падении» К. Майера, которое становится все более заметным²⁵, и делая собственные наблюдения, что К. Майер, чей план был отмечен как лучший самим Л.М. Кагановичем, теперь не руководит дальнейшей разработкой генплана, а лишь разрабатывает вопросы транспортной сети²⁶. В заседаниях Архплана в последующие годы К. Майер участвовал только как руководитель планировочной мастерской при обсуждении соответствующих вопросов [3]. В 1933 – 1935 гг. его имя лишь изредка проскальзывает в сообщениях о встречах с иностранными архитекторами, работающими в СССР, и исключительно в перечислительном списке присутствовавших²⁷.

При этом, в отличие от своих иностранных коллег – Э. Мая и Х. Майера, Х. Шмидта, М. Шютте-Лихотски, В. Шютте, А. Люрса, А. Урбана и др., он не публикует статьи ни в «Архитектуре за рубежом», ни в «Архитектуре СССР», ни в «Архитектурной газете». Он не выступает на собраниях, не подписывает публичных обращений и писем, его имя не встречается в протоколах заседаний Правления Союза советских архитекторов в обсуждениях

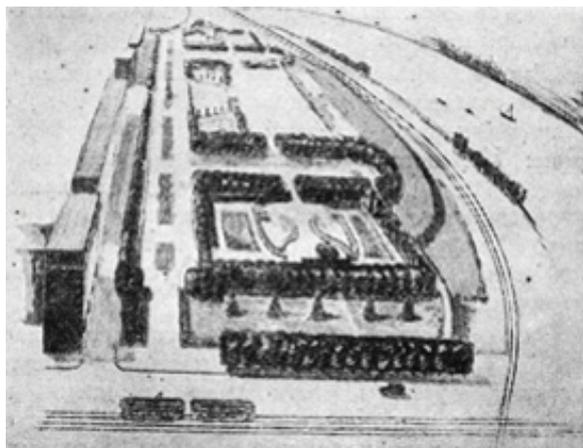

Рис. 21. Парк Хамовнического пруда. Проект. Шестая планировочная мастерская. 1935 [36]

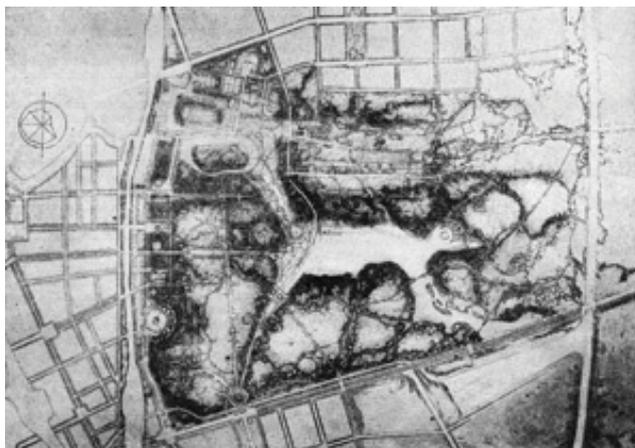

Рис. 22. Планировка Измайловского парка им. И. Сталина. Проект. Шестая планировочная мастерская. 1935 [36]

различных мероприятий с участием иностранных специалистов. Несмотря на то, что К. Майер не только член ССА [4], но и коммунист, он не участвует в публичной общественной и политической жизни, как, например, Х. Майер, Х. Шмидт, А. Урбан, А. Люрса. Это интересный и примечательный факт. Можно только предполагать причины. Возможно, они кроются в длительном общественном и партийном стаже К. Майера в Германии, где ему приходилось участвовать в реальной борьбе за права и свободы, где социализм был для него не официальной идеологией, а искренней верой. В СССР 1930-х гг. К. Майер несомненно видел, как могут коммунистическая идея и членство в партии превратиться в способ карьерного роста, борьбы с конкурентами и недругами, демагогические приемы. К. Майер, по всей видимости, был человеком другого склада и, кроме того, сосредоточенным исключительно и полностью на профессиональной деятельности, связанной с планировкой Москвы.

Постановлением бюро МК ВКП (б) и президиума Моссовета от 23.9.1933 г. АПУ было реорганизовано в отдел проектирования Моссовета, и были созданы 10 проектных и 10 планировочных мастерских «по основным магистралям». Начальником отдела планировки города был назначен Л.М. Перчик, главным архитектором – В.Н. Семенов. К. Майер стал руководителем планировочной мастерской № 6 [41]. На планировочные мастерские, как на «первичное звено в планировке города», возлагались задачи разработки для магистрали проектов реконструкции, красных линий застройки, детальных проектов архитектурно-художественного оформления и озеленения, проектов окраски зданий. Также планировочные мастерские должны были разрабатывать архитектурно-планировочные задания на проектирование отдельных зданий или, в случае необходимости, самостоятельно делать проекты зданий и, кроме того, вести контроль за застройкой [46]. Таким образом, К. Майер включается в большую и сложную работу по составлению проекта генплана Москвы, теперь уже в новом качестве. В связи с окончанием осенью 1932 г. двухлетнего срока первого рабочего договора, с К. Майером был заключен новый, бессрочный, контракт на должность руководителя бюро городского планирования в Москве [62, с. 189].

Шестой планировочной мастерской был поручен для проработки планировочный район на северо-востоке и востоке, охватывающий значительную часть Бауманского, Сталинского и Пролетарского районов, а также часть Сокольнического района [36]. Кроме того, проработке подлежали территории, предполагаемые к включению в черту Москвы – Карачарово поле к северу от Горьковской железной дороги, Кусково, Перово, Новогиреево и Измайлово. Находясь в жестких рамках заданной градостроительной ситуации, К. Майер вычленяет главные проблемы реконструкции. Это по-прежнему в его представлении, во-первых, санитарно-гигиеническая проблема – изменение промышленной структуры района с выводом вредных предприятий,

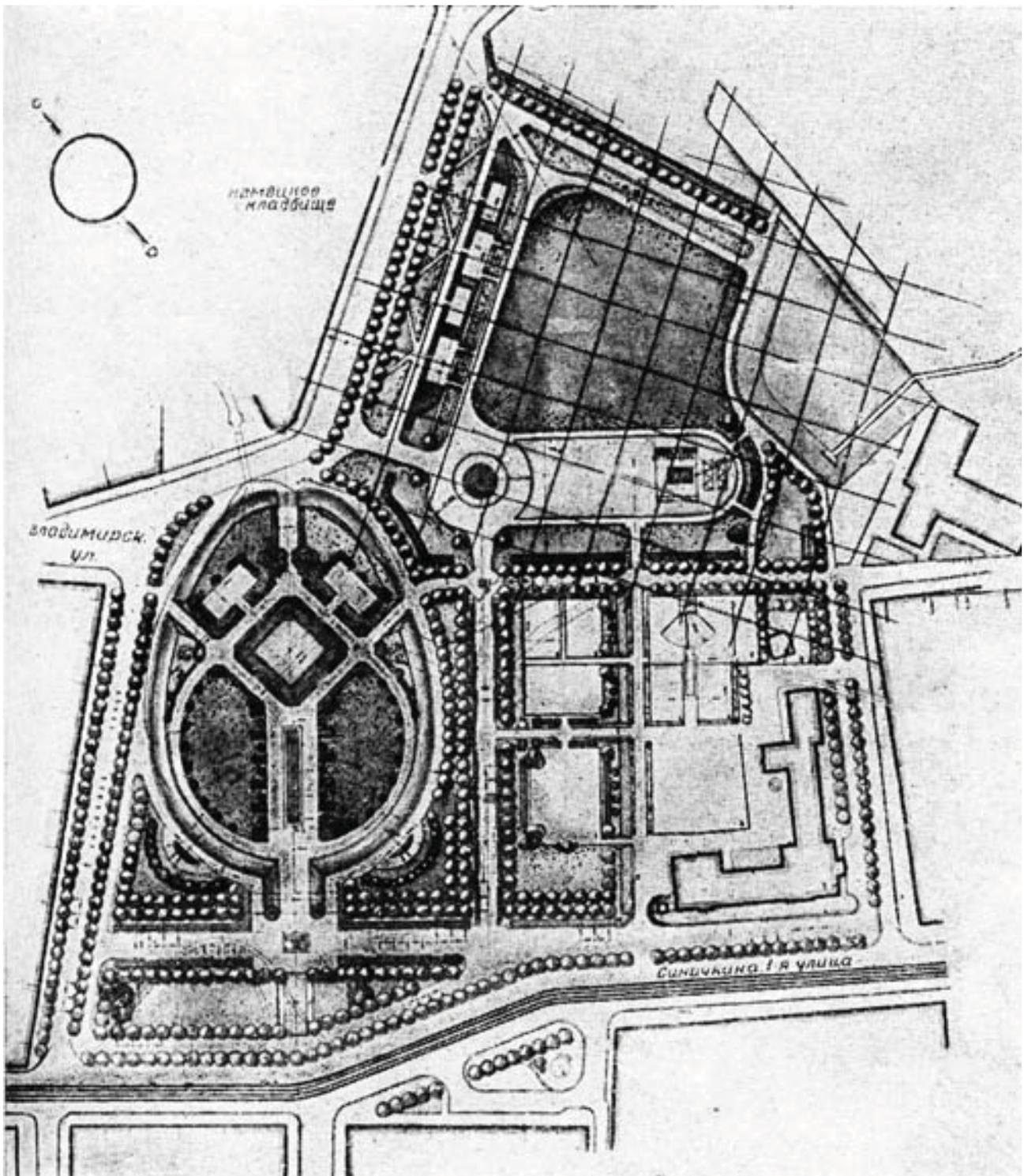

Рис. 23. Планировка парка в районе Синичкиного пруда. Проект. Шестая планировочная мастерская. 1935 [36]

правильное членение территории на крупные застраиваемые и свободные районы; во-вторых – озеленение; в-третьих – реконструкция уличной сети – районных, межрайонных и транзитных магистралей, а также железнодорожной сети, размещение которой препятствует развитию района. В решении конкретной задачи К. Майер получает, наконец, возможность проявить себя как практика городского планирования.

В краткой характеристике принципов реконструкции планировочного района К. Майер акцентирует две проблемы. Прежде всего он подробно рассматривает схему озеленения. Все зеленые массивы связаны с созданием водных площадей. Основной связующей артерией

предполагается расширенная до 25 м Яуза, «долина которой протянется по району в виде зеленой линии, которая в различных точках, путем широкого использования и увеличения существующих парков и групп деревьев вдоль реки, расширится и превратится в парковые массивы». Приток Яузы, Хапиловка, превращается в большой пруд. Также в тальвеге р. Серебрянки в Измайловском парке запроектировано озеро. Крупные зеленые массивы – Измайловский и Лефортовский парки, парки Хапиловского и Синичкиного пруда, парки вдоль Разумовской и Золоторожской набережных, территория Введенских гор и др. В мастерской отдельной бригадой (М.П. Коржев, М.И. Прохорова, В.П. Селивановский [45]) разрабатывается планировка Измайловского парка им. Сталина (рис. 21, 22).

Значительное внимание уделяется уличной сети. К. Майер рассматривает этот вопрос исключительно с точки зрения выполнения уличной сетью главной, связующей, роли, оставляя в стороне вопросы архитектурного образа. Основная задача – превращение в полноценные радиальные межрайонные магистрали Покровского радиуса (Маросейка – Покровка – К. Маркса – Спартаковская – Бакунинская – Б. Семеновская – Щербаковская) и шоссе Энтузиастов (Солянка – Ульяновская – шоссе Энтузиастов). Предполагается расширение улиц (Покровской магистрали до 40 – 60 м, шоссе Энтузиастов до 64 м), их спрямление и озеленение. Для увеличения пропускной способности на этом столь важном направлении связи с промышленным Пролетарским районом между Покровским радиусом и шоссе Энтузиастов планируется прокладка еще двух радиальных магистралей шириной в 40 м (Покровские ворота – Измайловский парк; пл. Ногина – пл. Проломной заставы – шоссе Энтузиастов), а также реконструкция и прокладка ряда других трасс. Планируется, что кольцевые магистрали «А» и «Б» реконструируются и расширяются, проектируется полукольцевая 35-метровая магистраль как продолжение Кузнецкого моста, формируются 3-е и 4-е (60 и 40 – 76 м соответственно) озелененные кольца.

Столь подробное описание проектных предложений 6-й мастерской, озвученных в статье К. Майера, необходимо для понимания важного момента – К. Майер не только архитектор, высказавший важные концептуальные идеи, но он реальный и полноправный участник авторского коллектива генплана Москвы 1935 г. В разделе V генплана под названием «Реконструкция основных магистралей города» текст соответствующих пунктов в основных параметрах совпадает с тезисами, опубликованными К. Майером по итогам работы 6-й мастерской. К. Майер был также официально перечислен в числе «привлеченных» к разработке генплана архитекторов [18, с. 46].

В июле 1934 г. основы генплана были доложены на большом совещании при ЦК ВКП (б), где «ЦК и правительство одобрили представленные наметки плана» и где «т. Сталин дал основные установки дальнейших путей развития планировки» [18, с. 46]. Через год, в июле 1935 г., завершение работы над генпланом было обозначено, как известно, Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О генеральном плане реконструкции гор. Москвы» [38]. Генеральный план был официально объявлен результатом «гения нашего вождя товарища СТАЛИНА, указавшего основные принципы социалистической реконструкции города, развенчавшего вредные теории в этой области», и «организаторской, руководящей роли» товарища Л.М. КАГАНОВИЧА [49, с. 9] (рис. 23).

Сложно сказать, с какими мыслями и чувствами писал К. Майер текст, опубликованный в «Архитектурной газете» по случаю завершения генплана, в работе над которым он сыграл важную роль, и насколько искренне в 1935 г. он еще верил своим же «идеологически выдержанным» словам после нескольких лет непростой работы и жизни в СССР. Прямое административно-политическое воздействие на принципы и методы планировочной работы, несомненно, ощущалось архитекторами, тем более занимающими высокие должности. «Генеральная схема реконструкции Москвы – это поистине изумительный в своей цельности план, как лучше, здоровей, красивей, культурней, рациональней организовать работу и отдых, общественный и личный быт человека-гражданина. Такой план в условиях капиталистической страны, где

Рис. 25. К. Майер разъясняет делегатам объединенных пленумов РК ВКП (б) и райсоветов Москвы, посвященных постановлению ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О генеральном плане реконструкции города Москвы». 1935 [11]

я проектировал полтора десятка лет, показался бы фантастической утопией. Но в стране, где великий вождь народа Сталин лично дает указания архитекторам-планировщикам, указания, всегда изумительно верные и гениально простые, насыщенные подлинной заботой о человеке; в стране, где правительство непосредственно руководит планировкой городов, вникает во все детали, помогая советом и делом нам, планировщикам, – в этой стране взлетам творческой мысли удивляться не приходится. Творческий и практический опыт, накопленный в работе над генпланом в каждой планировочной мастерской и каждым его участником-архитектором, несомненно, очень велик. Основное, чему учит нас опыт планировки под непосредственным руководством великого Сталина и его соратника т. Кагановича – это принцип социального гуманизма как главный принцип творческой работы архитектора-планировщика» [35]. 12 июля 1935 г. К. Майер принял участие в объединенных пленумах РК ВКП (б) и райсоветов РК и КД, посвященных постановлению ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О генеральном плане реконструкции города Москвы». Примечательно, что доклады о постановлении правительства делали председатели райсоветов, а сообщения архитекторов о создании генплана послужили лишь «иллюстрацией». Среди других архитекторов выступил и К. Майер, обрисовывая перспективы развития Бауманского района. На пленуме было еще раз подчеркнуто, что «инициатор и вдохновитель генерального плана Москвы» это т. Сталин, а т. Каганович – его «ближайший соратник» и «главный архитектор города Москвы» [11] (рис. 24, 25).

После официального завершения работы над проектом генплана Москвы судьба К. Майера вновь изменилась вместе с очередной реорганизацией планировочного дела. В октябре 1935 г., согласно постановлению МК ВКП (б) и Моссовета, для «детальной разработки магистралей, набережных и площадей с разработкой плана их застройки и архитектурно-объемного решения ансамблей отдельных отрезков магистралей» вместо районных планировочных мастерских были образованы 6 магистральных архитектурно-планировочных мастерских, а также отдельные планировочные мастерские по Юго-западному району, по пригородной зоне и по озеленению и художественно-скульптурному оформлению города. Подмена разработки и совершенствования градостроительной методологии акцентировкой ансамблевого

Рис. 24. Отдел планировки Моссовета. Схема планировки Москвы. 1935 [18]

проектирования – характерный процесс в середине 1930-х гг., наиболее наглядно высвеченный в процессе работы над генпланом Москвы и озвученный Л.М. Кагановичем: «перестройка Москвы должна касаться главным образом перестройки улиц» [8, л. 95].

В соответствии с этим же постановлением были установлены должности районных архитекторов, обязанностью которых являлась «детализация планировки района, планировка резервируемых за городом и прилегающих к городским районам пригородных территорий, уточнение красных линий магистралей, проездов и площадей, разработка архитектурно-планировочных заданий на проектирование отдельных зданий, контроль за строительством на своей территории, разработка текущих мероприятий по оформлению района». К. Майер был назначен архитектором Бауманского района [59]. В понимании архитектурной иерархии, это была второстепенная должность в сравнении с руководителем проектной мастерской. Творить

концепцию и архитектурный образ Москвы было доверено избранным, удел районного архитектора – детализация, уточнение, контроль, он – исполнитель и практик²⁸.

Такое вытеснение из самостоятельного проектного творчества было уже обусловлено, конечно, не только конкурентной борьбой, но и значительно изменившейся к этому времени духовной атмосферой и отношением к «иноспецам». В 1936 г. К. Майер получил советское гражданство, что окончательно предопределило его трагическую судьбу. Нагнетание антинемецких настроений после 1933 г. и активизация в поиске и разоблачении «пятой колонны» в преддверии неизбежной войны сделали особенно уязвимыми бывших германских подданных, ставших гражданами СССР (как, впрочем, и граждан других зарубежных государств). Вместе с правами советских граждан они получили и право на общих основаниях быть арестованными по сфабрикованному делу, с отягчающими «национальными» обстоятельствами и без относительной защиты иностранного паспорта. Выборочные репрессии с «национальной составляющей» начались задолго до начала «большого террора» – еще в 1934 г. в связи с убийством С.М. Кирова. Первоначальный избирательный поиск вражеских агентов велся прежде всего в политэмигрантских кругах и среди специалистов, потенциально способных нанести большой вред [21, 44]. Несомненно, таковым мог являться один из участников создания стратегически важного документа – генплана Москвы.

Общий настрой не обошел архитектурную среду и вылился на страницы профессиональной прессы в 1936 г. в связи с так называемым троцкистским процессом. Сентябрьский номер «Архитектуры СССР» публикует редакционную статью с разоблачением троцкистских агентов в проектных организациях, среди которых называются имена иностранных (немецких) специалистов, замаскированных врагов и шпионов, в том числе в планировочном отделе Моссовета и Мособлпроекте, причем «национальная составляющая» акцентирована: именуется она именно как фашисты, агенты Гитлера и гестапо. Это было только началом, что было выражено в риторическом вопросе: «Можем ли мы с уверенностью сказать, что разоблачили всех врагов до конца, всех пособников и покровителей...?» [50]. Дальнейшее развитие событий несложно предугадать. В сентябре 1936 г. К. Майер был исключен из партии и одновременно освобожден от должности за «утрату классово-бдительности» [62, с. 190]. Но это было лишь прелюдией, ставшей с 1936 г. позицией. 26 ноября 1936 г. К. Майер был арестован. Ему было предъявлено обвинение в связи с делом С.М. Кирова, он был осужден, отправлен в лагерь и умер в Усть-Куте в 1944 г. В 1957 г. К. Майер был реабилитирован [66, с. 47].

Имя немецкого архитектора К. Майера с полным правом вошло в историю советского градостроительства и в историю разработки генплана Москвы 1935 г. В окончательном варианте генплана 1935 г. зафиксированы тангенциальные «новые» магистрали, использованы принципы системы озеленения и включены разработки отдельных фрагментов уличной сети. Однако за утвердившимся тезисом о сохранении К. Майером компактности московского пятна и радиально-кольцевой планировки оказалось забыто сущностное наполнение этой схемы. А именно – лежащие в основе социальный и функциональный подходы, подразумевающие создание комплексных районов с градообразующим местом приложения труда и социально-гармоничным сообществом; создание комфортной среды обитания путем приоритетного решения гигиенических проблем (зелень, свет, воздух, пространство) и, наконец, функциональную организацию внутригородских связей, костяком которой является планировка уличной сети. Эти идеи связывают в проекте К. Майера традиционный подход к планировочной схеме с новыми поисками европейского градостроительства первой трети XX века.

¹Здесь и далее биографические сведения о жизни К. Майера до его приезда в СССР (за исключением отдельно указанных ссылок на иной источник) основываются на: Meyer Kurt. Lebenslauf. 1930 [9].

²Отделение Международной Красной помощи, непосредственно связанной с Коммунистическим интернационалом. Образовано по решению КПГ, и существовало с 1924 по 1936 г., занимаясь гуманитарной помощью и поддержкой заключенных-коммунистов.

³Организация с антиклерикальной, антифашистской и антивоенной направленностью, ставившая целью борьбу против всех религий на основе классовых задач пролетариата.

⁴Согласно постановлению СНК СССР «О мерах к упорядочению капитального строительства промышленности и электростроительства» от 1.06.1928 г. ВСНХ получал право «организовывать при торговых представительствах СССР за границей технические бюро в соответствии с конкретными нуждами промышленности и возможностью использования для нее достижений отдельных стран» [51].

⁵В январе 1930 г. вместо Стройкома ВСНХ СССР был создан Союзстрой (Всесоюзное государственное объединение строительной промышленности и промышленности строительных материалов ВСНХ СССР).

⁶Такая задача была поставлена постановлением СНК СССР «О привлечении специалистов из-за границы» (15.02.1927) и Политбюро ЦК ВКП (б) «О привлечении иностранных специалистов» (2.08.1928) [26, с. 222-225; 233-234]. Постановление СНК СССР требовало приглашать, как правило, только высококвалифицированных специалистов, в индивидуальном порядке, на конкретные должности и под конкретные задачи, при сохранении централизованного руководства ВСНХ СССР. Напротив, согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП (б), исходить нужно было уже «из необходимости привлечения не только крупных специалистов с крупным именем, но и специалистов среднего типа».

⁷Иностранные архитекторы, инженеры-проектировщики, инженеры-строители и специалисты по стройматериалам работали в проектно-планировочном бюро Цекомбанка, в Вузстройпроекте, Гипрогоре, Моспроекте, Госпроекте 1 и 2, Гипростальмосте, Промстройпроекте, Гипросельхозе, Стандартбетоне, Машиностройпроекте, Сантехстрое, Союзснабстрое, Торгстрое, Гипроверфи, Мосгорснаббыте и многих других.

⁸Рассматривались такие варианты как Проектгражданстрой и Мосстройобъединение.

⁹Как свидетельствуют документы, семья К. Майера жила первоначально в гостинице «Европа» [9, л. 14 об.], затем в Ленинской слободе, по ул. Восточной, 7, кв. 274 [2] и, позже, на ул. Садово-Земляной вал, 23-25, кв. 39 [4].

¹⁰О повседневной жизни иностранных архитекторов в СССР подробнее см. [31]

¹¹Планировочно-земельный отдел Моссовета (Мосгорисполкома), созданный в 1931 г. после упразднения МОКХ, действовал еще в МОКХ под наименованием Горземплан с секторами экономическим, основных планировочных работ и текущих работ [29, с. 259, 261].

¹²Как предполагает Ю.Д. Старостенко, возможно, именно схема В.Н. Семенова была доложена Л.М. Кагановичем в конце 1930 г. на том самом заседании Политбюро, на котором было принято решение о создании специальной комиссии для разработки проекта городского хозяйства, о чем еще будет сказано ниже [57, с. 84]

¹³Подробнее об этом см. [58]

¹⁴Эта идея так и не была осуществлена из-за неготовности советской стороны выплачивать дополнительные валютные средства на подобные поездки, так же как и на Международный конгресс в Брюссель, о чем просил К. Майер. Торгпредству в Берлине, как «представителю» К. Майера, пришлось напоминать МОКХ даже о зафиксированной в договоре сумме в 1200 германских марок на переезд архитектора и его семьи из Германии в СССР [10].

¹⁵В рамках конкурса были представлены проекты линий метро шестью бригадами – Г.Б. Красина, Э. Мая, К. Майера, Г. Майера, группой ВОПРА (А.В. Бабуров и др.), В.В. Кратюка, а также схемы Метростроя и АПУ [30].

¹⁶Видимо, именно этот комитет указывается в докладной записке МК и МГК ВКП(б) и Моссовета о генеральном плане реконструкции Москвы как созданная в марте 1932 г. Комиссия по разработке генерального плана Москвы [18, с. 44]. И, по всей вероятности, этот комитет будет преобразован осенью 1933 г. в постоянную комиссию Моссовета и МГК ВКП(б) по вопросам архитектуры и планировки Москвы (Арплан), председателем которой будет Л.М. Каганович, и членами которой являлись Н.А. Булганин, Н.С. Хрущев и другие политические деятели, а также архитекторы Л.М. Перчик, И.В. Жолтовский, А.В. Щусев, В.А. Щуко, В.Н. Семенов, С.Е. Чернышев, В.А. Веснин, В.Г. Гельфрейх, Б.М. Иофан, К.С. Алабян и др. [3; 18, с. 45 – 46]. Комиссия возглавила работу архитектурно-проектных и архитектурно-планировочных мастерских Моссовета и именно за членами комиссии и «привлеченными архитекторами» было закреплено авторство генплана Москвы [18, с. 46].

¹⁷Цит. по: [17].

¹⁸Б. Таут. Письмо от 30.7.1932 [64, с. 222].

¹⁹Письмо Л.М. Кагановича И.В. Сталину от 3.8.1932 [56].

²⁰Только в своеобразной логике 1930-х гг. можно было объединить в единой группе принципиально различные проекты на основании формального признака. Так, по результатам конкурса 1932 г., были сгруппированы проекты К. Майера, Э. Мая, Х. Майера и Г. Красина, которые, с точки зрения автора, осуществляли «соцреконструкцию Москвы на основе исторически сложившейся радиально-кольцевой системы» [19, с. 14]. Особенно странным выглядит этот тезис по отношению к децентрализованной трабантной схеме Э. Мая и городу-агломерации Х. Майера.

²¹На это также было обращено внимание Х. Боденшатцем и К. Пост.

²²Письмо Б. Таута от 10.10.1932 [64, с. 273]

²³Письмо Б. Таута от 23.08. 1932 [64, с. 235 - 236]

²⁴Цит. по: [60, с. 32].

²⁵Письмо Б. Таута от 10.10.1932 [64, с. 273]

²⁶Письмо Б. Таута от 23.08.1932 [64, с. 235 – 236]

²⁷Краткую информацию о подобных встречах публикует Архитектурная газета (№ 37, 3.7.35) и Архитектура СССР (1935. № 5,7).

²⁸Косвенным подтверждением такого понимания можно считать именной перечень руководителей мастерских и районных архитекторов. В основном все они – архитекторы, тесно связанные с проектными и планировочными мастерскими АПУ – руководители мастерских, их заместители, руководители планировочных групп, т.е. давно включенные в работу над генпланом Москвы. Но среди руководителей магистральных мастерских такие значимые фигуры как В.А. Щуко, А.В. Щусев, Г.Б. Бархин, Н.Я. Колли, В.Г. Гельфрейх, Л.О. Бумажный. Среди районных архитекторов – фигуры «второго плана» Терехин, Колесов, Егоров, Каныгин, Козелков, Кондрашев и др., которые, в отличие от мэтров, в публикации не поименованы даже инициалами.

Библиография

1. Государственный архив Российской Федерации, Москва (ГАРФ). Ф. 4544. ВСКХ. Оп. 1. Д. 425. Л. 2 – 3. Список постоянных консультантов-экспертов Научно-технического комитета при ВСКХ при ЦИК СССР. 1932.

2. ГАРФ. Ф. 5006. Советско-германское общество «Культура и техника». Оп. 1. Д. 61. Списки иностранных специалистов, проживающих в Москве. 1930 – 1933. Л. 39.

3. Российский государственный архив литературы и искусства, Москва (РГАЛИ). Ф. 2772. Веснин В.А. Оп. 1. Д. 93. Л. 2 – 7. Протокол 4 заседания комиссии Моссовета и МГК ВКП (б) по вопросам архитектуры и планировки Москвы. 13.11.1933. Л. 2.

4. РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 47. Л. 16 – 18. Список иноспециалистов, членов Союза советских архитекторов.

5. РГАЛИ. Ф. 674. Оп.2. Д. 47. Л. 18. Список иностранных архитекторов, работающих в Москве.
6. Российский государственный архив социально-политической истории, Москва (РГАСПИ). Ф. 81. Каганович Л.М. Оп. 3. Д. 181. Л. 24 – 71. К вопросу о перепланировке Москвы. Выступление Л.М. Кагановича на Совещании архитекторов при Моссовете. 31.7.1932. Неправленный экземпляр.
7. РГАСПИ. Ф. 81. Каганович Л.М. Оп. 3. Д. 181. Л. 72 – 100. К вопросу о перепланировке Москвы и о задачах советских архитекторов. Выступление Л.М. Кагановича на Совещании архитекторов при Моссовете 31.7.1932.
8. РГАСПИ. Ф.81. Каганович Л.М. Оп. 3. д. 185. Стенограмма заседания комиссии Арплана Москвы. 21.2.1935. Л. 95.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 98. Комиссия ЦК ВКП(б) по переводу членов братских компартий. Д. 3256. Личное дело Мейера Курта.
10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 5741. Союзстрой. Оп. 5. Д. 78. Личное дело иностранного специалиста Мейера Курта.
11. Боевая переключка районов. Объединенные пленумы райкомов ВКП(б) и райсоветов Москвы // Архитектурная газета. – 1935. – № 41.
12. Болдырев, С., Гольденберг, П., Долганов В. Москва. Вопросы перепланировки // Советская архитектура. – 1931. – № 4. – С. 32 – 37.
13. Бочаров, Ю.П., Сиренко, Э.А. Преобразование планировки Москвы по Генеральному плану 1935 г. // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 2. Столичный город. – М., 1998. – С. 264 – 276.
14. Выготский, Л. Зеленые насаждения в градостроительстве / Л. Выготский // Коммунальное хозяйство. – 1927. – № 23/24. – С. 36 – 44.
15. Выготский, Л. Планировка Большого Берлина / Л. Выготский // Коммунальное хозяйство. – 1928. – № 1/2. – С. 110 – 116.
16. Гельбрас, П. Уроки Горземплана / П. Гельбрас // Строительство Москвы. – 1931. – № 11. – С. 2 – 5.
17. Генеральная схема архитектурно-планировочной реконструкции Москвы (от редакции) // Вопросы архитектуры. – М., 1935.
18. Генеральный план реконструкции города Москвы. Постановления и материалы. – М., 1936.
19. Гольденберг, П., Гольденберг, Б. Задачи социалистической реконструкции Москвы / П. Гольденберг, Б. Гольденберг // Советская архитектура. – 1933. – № 1. – С. 6 – 25.
20. Горный, С.М. Социалистическая реконструкция Москвы / С.М. Горный. – М., 1931.
21. Деннингхаус, В. В тени «Большого брата»: западные национальные меньшинства в СССР, 1917 – 1938 / В. Деннингхаус. – М., 2011.
22. Диденко, П. Взяться большевистскими темпами за перепланировку Москвы / П. Диденко // Строительство Москвы. – 1931. – № 10. – С. 8 – 11.
23. Долганов, В. Москва должна расти на Восток / В. Долганов // Строительство Москвы. – 1930. – № 8/9. – С. 29 – 32.
24. Заславский, А., Козелков, А. Планировка Москвы / А. Заславский, А. Козелков // Строительство Москвы. – 1932. – № 10. – С. 6 – 19.
25. Из представленной в СНК СССР и ЦК ВКП (б) докладной записки Московского областного и городского комитетов ВКП (б) и Московского Совета РК и КД о генеральном плане реконструкции г. Москвы // Генеральный план реконструкции города Москвы. Постановления и материалы. – М., 1936. – С. 43 – 46.
26. Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Ч. 2. – М., 1999.
27. Каганович, Л.М. За социалистическую реконструкцию Москвы и городов СССР. Переработанная стенограмма доклада на июньском пленуме ЦК ВКП (б) / Л.М. Каганович. – М., 1931.

-
28. Каганович, Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника / Л.М. Каганович. – М., 1997.
29. Казусь, И.А. Советская архитектура 1920-х гг.: организация проектирования / И.А.Казусь. – М., 2009.
30. Кобзарь, С.Г. Где строить линии метро / С.Г. Кобзарь // Строительство Москвы. – 1933. – № 1. – С. 4 – 11.
31. Коньшева, Е.В. Иностранцы архитекторы на стройках первых пятилеток (в аспекте повседневности) / Е.В. Коньшева // Архитектон: известия вузов. – 2010. – № 32. – URL: http://archvuz.ru/numbers/2010_4/010
32. Косенкова, Ю.Л. Опыт формирования правовой основы советского градостроительства 1920–30-х годов / Ю.Л. Косенкова // Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования: сб. науч. трудов НИИТИАГ РААСН. – М., 2010. – С. 335 – 351.
33. Крюков, М. Что и как делает АПУ / М. Крюков // Строительство Москвы. – 1932. – № 10. – С. 4 – 5.
34. Майер, К. К основным вопросам градостроительства Москвы / К. Майер // Советская архитектура. 1931. – № 4. – С. 5 – 10.
35. Майер, К. Социальный гуманизм / К. Майер // Архитектурная газета. – № 40. – 16.07.1935
36. Майер, К. Центр – парк им. Сталина / К. Майер // Строительство Москвы. – 1935. – № 7/8. – С. 36 – 39.
37. Майер, К. Центр, зелень, транспорт / К. Майер // Строительство Москвы. – 1932. – № 8/9. – С. 11.
38. О генеральном плане реконструкции гор. Москвы. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) // Строительство Москвы. – 1935. – № 7/8. – С. 1 – 6.
39. Опыт и практика строительства. Архитектурно-планировочное управление Моссовета // Строительство Москвы. – 1932. – № 3. – С. 44.
40. О реорганизации МКХ. Постановление бюро МК ВКП (б) от 18 января 1931 г. // Сборник важнейших постановлений МК и МГК ВКП (б). Материалы к III областной и II городской конференциям ВКП (б). – М., 1932.
41. Организация проектирования зданий, планировки города и отвода земельных участков в Москве // Архитектура СССР. – 1933. – № 5. – С. 60.
42. Орлеанский, В.Л. За разработку плана новой Москвы / В.Л. Орлеанский // Строительство Москвы. – 1931. № 7. – С. 2 – 3.
43. Орлеанский, В.Л. Из истории планировки города Москвы / В.Л. Орлеанский // Строительство Москвы. – 1935. – № 7/8. – С. 15 – 19.
44. Охотин, Н., Рогинский, А. Из истории “немецкой операции” НКВД 1937 – 1938 гг. / Н. Охотин, А. Рогинский // Наказанный народ. – М., 1999. – С. 35-74
45. Парк им. Сталина в Измайлове // Архитектура СССР. – 1935. – № 10/11. – С. 50 – 53.
46. Перестройка архитектурной и планировочной работы Москвы // Планировка и строительство городов. – 1933. – № 8. – С. 32.
47. Петров, М. Перспективы развития Москвы / М. Петров // Коммунальное хозяйство. – 1930. – № 8/9. – С. 32 – 37.
48. Петров, М. С. К планировке Новой Москвы / М. Петров // Строительство Москвы. – 1930. – № 1. – С. 16 – 17.
49. План великих работ // Строительство Москвы. – 1935. – № 7/8. – С. 9 – 10.
50. Разоблачить врагов народа // Архитектура СССР. – 1936. – № 9. – С. 1 – 2.
51. Свод законов СССР. 1928. – Отд. первый. Ст. 297.
52. Семенов, В.Н. Архитектурная реконструкция Москвы / В.Н. Семенов // Вопросы архитектуры. – М., 1935.
53. Семенов, В.Н. Благоустройство городов / В.Н. Семенов. – М., 1915

54. Семенов, В.Н. Как планировать и строить Москву. Доклад на Совещании архитекторов при Моссовете 31.7.1932 / В.Н. Семенов // Строительство Москвы. – 1932. – № 8/9. – С. 8 – 10.
55. Семенов, В.Н. Москву планировать и планомерно застраивать / В.Н. Семенов // Строительство Москвы. – 1932. – № 6. – С. 2 – 6.
56. Сталин и Каганович. Переписка. 1931 – 1936 гг. / О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. – М., 2001.
57. Старостенко, Ю.Д. Метаморфозы архитектурно-градостроительной концепции развития центра (центрального ядра) Москвы в 1920 – 1930-е годы: дис. ...канд. архитектуры / Ю.Д. Старостенко. – М., 2009.
58. Хазанова, В.Э. Советская архитектура первой пятилетки / В.Э. Хазанова. – М., 1980.
59. Хроника Москвы // Строительство Москвы. – 1935. – № 11. – С. 31.
60. Эйгель, И. К истории построения и сноса храма Христа Спасителя / И. Эйгель // Архитектура и строительство Москвы. – 1988. – № 7. – С. 30 – 33.
61. Яковлева, Г.Н. Три проекта планировки Москвы (1918 – 1925) / Г.Н. Яковлева // Советское градостроительство 1920 – 1930-х годов. Новые исследования и материалы. – М., 2010. С. 44 – 70.
62. Bodenschatz, H., Post, C. (Hrsg.). Städtebau im Schatten Stalins. Die internationale Suche nach der sozialistischen Stadt in der Sowjetunion 1929 – 1935 / H. Bodenschatz, Post, C. Hrsg. von C. Post. Berlin, 2003.
63. Meyer, K. Deutsche und russische Architektur / K. Meyer // Moskauer Rundschau. 10.09.1932.
64. Kreis, B (Hrsg.). Bruno Taut. Moskauer Briefe. 1932 – 1933 / Hrsg. von B. Kreis. – Berlin, 2006.
65. Schumacher, F. Köln. Entwicklungsfragen einer Großstadt / F. Schumacher. – Köln, 1923.
66. Winkler, K.-J., Pistorius, E. Kurt Meyer – Städtebauer in Köln und Moskau (zum 100. Geburtstag) / K.-J. Winkler, E. Pistorius // Architektur der DDR. (1988) 12. S. 47 – 51.

Статья поступила в редакцию 03.02.2013

A COMMUNIST AND “ENEMY OF THE PEOPLE”: THE ARCHITECT KURT MEYER IN THE USSR

Konysheva Evgeniya V.

PhD (Art Studies), Associate Professor,
Southern Urals State University,
Chelyabinsk, Russia, e-mail: e_kon@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the Soviet period in the life and creativity of the German architect Kurt Meyer. It considers principal landmarks in his biography before arrival in the USSR and during the Moscow period, and reviews his creative career. K. Meyer is presented as an example of relationships between Soviet authorities and foreign consulting architects invited for implementing the accelerated urbanization plans of the first five-year periods.

Main attention is given to the Moscow re-planning project bid (1931 – 1932). In this connection, the author reviews K.Meyer’s previous working experience in Cologne and sources of his design principles in the European town-planning practice of the 1900s – 1920s. Special emphasis is made on the influence of K.Meyer’s ideas on the 1935 master plan concept for Moscow. Also, the article reviews K.Meyer’s activities as head of Mossovet’s Sixth Architectural Planning Studio that developed Moscow’s main street projects, and their effect with regard to the development of Moscow’s master plan. K.Meyer’s concept is used as a prism for showing the difficult and contradictory process of searching for Moscow planning principles in the first half of the 1930s and the establishment of a system of design organisations directly dealing with the planning of Moscow, and the role of ideology and Soviet power and party leadership.

The article is based on materials published in the Soviet press in the 1930s, as well as archival sources, including ones that have not yet been made available to the scholarly community.

Key words

town planning, Moscow reconstruction projects, german architects, Kurt Meyer (architect)

References

1. State Archive of the Russian Federation, Moscow (GARF). Fund 4544. VSKH. Inventory 1, file 425, sheets 2 – 3. List of Standing Expert Advisers of the Research and Design Committee at VSKH under the Central Executive Committee of the USSR. 1932.
2. GARF. Fund 5006. The Soviet-German Society «Culture and Technology». Inventory 1, file 61. Lists of Foreign Specialists Residing in Moscow. 1930 – 1933. Sheet 39.
3. Russian State Archive of Literature and Art, Moscow (RGALI). Fund 2772. Vesnin, V.A. inventory 1, file 93, sheets 2 – 7. Record of Minutes 4 of the Meeting of the Mossovet Committee and MGK VKP(b) on Architecture and Planning of Moscow. 13.11.1933. Sheet 2.
4. RGALI. Fund 674, inventory 2, file 47, sheets 16 – 18. List of Foreign Specialists Who Were Members of the Union of Soviet Architects.
5. RGALI. Fund 674, inventory 2, file 47, sheet 18. List of Foreign Architects Working in Moscow.
6. Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow (RGASPI). Fund 81. Kaganovich L.M. Inventory 3, file 181, sheet 24 – 71. On the Issue of Replanning of Moscow. L.M. Kaganovich’s Report to the Meeting of Architects at Mossovet 31.7.1932. Uncorrected copy.
7. RGASPI. Fund 81. Kaganovich L.M. Inventory 3, file 181, sheets 72 – 100. On the Issue of Moscow Replanning and the Challenges of Soviet Architects. L.M. Kaganovich’s Report to the Meeting of Architects at Mossovet 31.7.1932.
8. RGASPI. Fund 81. Kaganovich L.M. Inventory 3, file 185. Transcript of the Meeting of the Moscow Arplan Commission. 21.2.1935. Sheet 95.
9. RGASPI. Fund 17, inventory 98. Commission of the Central Committee of VKP(b) for the Transference of Members of Fraternal Communist Parties. File 3256. Personal file of Kurt Meyer.
10. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 5741. Soyuzstroy. Inventory 5, file

78. Personal file of the foreign specialist Kurt Meyer.

11. Militant Roll Call of the Districts. Joint Plenums of the District Committees of VKP(b) and District Soviets of Moscow (1935). *Arkhitekturnaya Gazeta*, No. 41.

12. Boldyrev, S., Goldenberg, P., Dloganov, V. (1931) Moscow replanning issues. *Sovetskaya Arkhitektura*, No. 4, p. 32 – 37.

13. Bocharov, Yu.P., Sirenko, E.A. (1998) Transformation of Moscow plan under the 1935 Master Plan. In: *Capital City. Architecture in the History of Russian Culture*, issue 2. Moscow, p. 264 – 276.

14. Vygotsky, L. (1927) Amenity planting in town-planning. *Kommunalnoye Khozyaistvo*, No. 23/24, p. 36 – 44.

15. Vygotsky, L. (1928) Plan of Greater Berlin. *Kommunalnoye Khozyaistvo*, No. 1/2, p. 110 – 116.

16. Gelbras, P. (1931) Lessons of Gorzemplan. *Stroitelstvo Moskvy*, No. 11, p. 2 – 5.

17. General layout of architectural and planning reconstruction of Moscow (from the editors). (1935). In: *Issues in Architecture*. Moscow: OGIZ-IZOGIZ.

18. General plan of reconstruction for Moscow. *Decrees and Proceedings (1936)*. Moscow: *Moskovsky Rabochy*.

19. Goldenberg, P., Goldenberg, B. (1933) Socialist reconstruction challenges of Moscow. *Sovetskaya Arkhitektura*, No. 1, p. 6 – 25.

20. Gorny, S.M. (1931) Socialist reconstruction of Moscow. Moscow.

21. Denninghaus, V. (2011) In the Big Brother's shadow: western ethnic minorities in the USSR, 1917 – 1938. Moscow: *Rosspen*.

22. Didenko, P. (1931) Tackling the replanning of Moscow at Bolshevik pace. *Stroitelstvo Moskvy*, No. 10, p. 8 – 11.

23. Dolganov, V. (1930) Moscow should grow eastwards. *Stroitelstvo Moskvy*, No. 8/9, p. 29 -32.

24. Zaslavsky, A., Kozelkov, A. (1932) Moscow Plan. *Stroitelstvo Moskvy*, No. 10, p. 6 – 19.

25. From the Brief of the Moscow Regional and City Committees of VKP(b) and Moscow Council of Workers, Peasants and Soldiers Deputies on the General Reconstruction Plan for Moscow Submitted to the USSR Council of People's Commissars and the Central Committee of VKP(b). (1936) In: *General Plan of Reconstruction for Moscow. Decrees and Proceedings*, Moscow, p. 43 – 46.

26. *The Industrialisation of the Soviet Union. New Documents. New Facts. New Approaches.* (1999) Part 2. Moscow: IRIRAN.

27. Kaganovich, L.M. (1931) For the socialist reconstruction of Moscow and cities of the USSR. Revised transcript of the Report to the June Plenum of the Central Committee of VKP(b). Moscow.

28. Kaganovich, L.M. (1997) *Memoirs of a worker, Bolshevik communist, and trade, party and soviet state official*. Moscow.

29. Kazus, I.A. (2009) *Soviet architecture of the 1920s: organisation of design work*. Moscow: *Progress-Traditsiya*.

30. Kobzar, S.G. (1933) Where should metro lines be built. *Stroitelstvo Moskvy*, No. 1, p. 4 – 11.

31. Konyshcheva, E.V. (2010) European architects at the construction sites of the first five-year periods (with reference to everyday routine). *Architecton [e-journal]*, No. 32. Available at: http://archvuz.ru/2010_4/9

32. Kosenkova, Yu.L. (2010) Development of a legal framework for soviet town planning in the 1920s-1930s. In: *Town Planning Art. New Materials and Studies*. Moscow: NIITAG RAASN, p. 335 – 351.

33. Kryukov, M. (1932) What the architectural planning department does and why. *Stroitelstvo Moskvy*, No. 10, p. 4 – 5.

34. Meyer, K. (1931) On main issues in the city planning of Moscow. *Soviet Architecture*, No. 4, p. 5 – 10.

35. Meyer, K. *Social humanism*. *Arkhitekturnaya Gazeta*, No. 40, 16 July 1935

36. Meyer, K. (1935) Centre – Stalin's park. *Stroitelstvo Moskvy*, No. 7/8, p. 36 – 39.

-
37. Meyer, K. (1932) Centre, planting, transport. *Stroitelstvo Moskvyy*, No. 8/9, p. 11.
  38. On the General Reconstruction Plan for Moscow. Decree of the USSR Council of People's Commissars and Central Committee of VKP(b). *Stroitelstvo Moskvyy*, 1935, No. 7/8, p. 1 – 6.
  39. Building construction experience and practice. Architecture and Planning Department of Mossovet (1932) *Stroitelstvo Moskvyy*, No. 3, p. 44.
  40. On the reorganisation of Moscow's public utilities. Resolution of the Bureau of the Moscow Committee of VKP(b) dated 18 January 1931. Collection of Important Resolutions of the Moscow Committee and Moscow City Committee of VKP(b). Proceedings of the III Regional and II City Conferences of VKP(b). Moscow, 1932.
  41. Organisation of building design, city planning and allocation of land in Moscow (1933) *Arkhitektura SSSR*, No. 5, p. 60.
  42. Orleansky, V.L. (1931) For the development of a plan for new Moscow. *Stroitelstvo Moskvyy*, No. 7, p. 2 – 3.
  43. Orleansky, V.L. (1935) From the history of Moscow plan. *Stroitelstvo Moskvyy*, No. 7/8, p. 15 – 19.
  44. Okhotin, N., Roginsky, A. (1999) From the history of NKVD's "German Operation" of 1937 – 1938. The punished people. Moscow: Zvenya.
  45. Stalin's Park in Izmailovo. (1935) *Arkhitektura SSSR*, No. 10/11, p. 50 – 53.
  46. Restructuring of architectural design and planning work in Moscow. (1933) *Planirovka i Stroitelstvo Gorodov*, No. 8, p. 32.
  47. Petrov, M. (1930) Moscow development prospects. *Kommunalnoye Khozyaistvo*, No. 8/9. pp. 32 – 37.
  48. Petrov, M.S. (1930) On the planning of new Moscow. *Stroitelstvo Moskvyy*, No. 1, p. 16 – 17.
  49. Plan of great works. (1935) *Stroitelstvo Moskvyy*, No. 7/8, p. 9 – 10.
  50. Exposing enemies of the people. (1936) *Arkhitektura SSSR*, No. 9, p. 1 – 2.
  51. Consolidated Legislation of the USSR. 1928. Section One. Art. 297.
  52. Semenov, V.N. (1935) Architectural reconstruction of Moscow. In: *Architectural Issues. Moscow*.
  53. Semenov, V.N. (1915) *City improvement. Moscow*.
  54. Semenov, V.N. (1932) How to plan and develop Moscow. Report to the Meeting of Architects at Mossovet 31.7.1932. *Stroitelstvo Moskvyy*, No. 8/9. pp. 8 – 10.
  55. Semenov, V.N. (1932) Moscow to be Planned and developed in a planned way. *Stroitelstvo Moskvyy*, No. 6. p. 2 – 6.
  56. Stalin and Kaganovich. Correspondence. 1931 – 1936. (2001) Compiled by Khlevnyuk, O.V., Davies, R.W., Kosheleva, L.P., Rees, E.A. Rogovaya, L.A. Moscow.
  57. Starostenko, Yu.D. (2009) Metamorphoses of the architectural design and planning concept for the development of the centre (the central core) of Moscow in the 1920s – 1930s. PhD Dissertation. Moscow.
  58. Khazanova, V.E. (1980) *Soviet architecture of the first five-year period. Moscow*.
  59. *Chronicles of Moscow*. (1935) *Stroitelstvo Moskvyy*, No. 11, p. 31.
  60. Eigel, I. (1988) On the history of construction and demolition of the cathedral of Christ the Saviour. *Arkhitektura i Stroitelstvo Moskvyy*, No. 7, p. 30 – 33.
  61. Yakovleva, G.N. (2010) Three Moscow planning projects (1918 – 1925). In: *Soviet Town Planning in the 1920 – 1930s. New Studies and Proceedings*. Moscow: Librokom, p. 44 – 70.
  62. Bodenschatz, H., Post, C. (Hrsg.). (2003) *Städtebau im Schatten Stalins. Die internationale Suche nach der sozialistischen Stadt in der Sowjetunion 1929 – 1935*. Berlin.
  63. Meyer, K. *Deutsche und russische Architektur. Moskauer Rundschau*. 10.09.1932.
  64. Kreis, B (Hrsg.). (2006) *Bruno Taut. Moskauer Briefe. 1932 – 1933*. Berlin.
  65. Schumacher, F. (1923) *Köln. Entwicklungsfragen einer Groszstadt*. Köln.
  66. Winkler, K.-J., Pistorius, E. (1988) Kurt Meyer – Städtebauer in Köln und Moskau (zum 100. Geburtstag). *Architektur der DDR*, 37(12), pp. 47 – 51.